

★ Владимир ПЕРШАНИН ★

СПЕЦНАЗ СТАЛИНГРАДА

Десантники стоят насмерть

Владимир Николаевич Першанин

Спецназ Сталинграда

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3132305

*До последней капли крови. Снайперы, десантники, спецназ. ДВА
бестселлера одним томом: Яуза : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-54278-9*

Аннотация

Неприукрашенная «окопная правда» Великой Отечественной. Война через оптический прицел советского снайпера и из боевых порядков десанта, как молитву затвердившего девиз ВДВ: «Никто, кроме нас!»

Они были элитой Красной Армии и настоящим «спецназом Сталина». Они не сдавались в плен – попав в руки врага, снайперам и десанникам не стоило надеяться на пощаду или хотя бы легкую смерть. Продолжительность их жизни на передовой, как правило, не превышала пары недель – меньше, чем в штрафбате. Они бросались с гранатами под танки и охотились за немецкими Scharfschütze (снайперами), стояли насмерть в Сталинграде и даже в безнадежных ситуациях держались не просто до последнего патрона – до последней капли крови...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	31
Глава 3	71
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Владимир Першанин Спецназ Сталинграда

Сто шестым воздушно-десантным батальоном пытались закрыть одну из прорех на южном крыле фронта. Вначале планировали использовать его для обороны крупной станции Миллерово, но из-за быстрого продвижения вражеских войск перебросили на степные высоты за рекой Чир. Именно здесь передовые отряды вновь созданного Сталинградского фронта стали на пути продвижения немцев.

Глава 1

Июль сорок второго

Рота окапывалась на гребне холма. Тогда еще не предпринималось рыть сплошные траншеи, да и времени не хватало. Через три часа каждый из ста двадцати человек выкопал для себя узкий окоп полтора метра глубиной, похожий на вертикальную нору. Оборудовали ротный наблюдательный пункт, а также более просторные укрытия для станковых пулеметов и противотанковых ружей.

Высота показалась мне удачным местом для обороны. Юго-западный склон был довольно крутым, с флангов наш холм окаймляли две узкие промоины. Я представлял, как неуклюже будут вползать наверх вражеские броневики и танки, подставляя борта и брюхо под огонь четырех противотанковых ружей, распределенных равномерно на участке длиной девятьсот метров. Расстояние я хорошо запомнил, потому что места для каждого из взводов отмерял шагами командир роты, старший лейтенант Рогожин.

Третий взвод, в котором я командовал отделением, находился на правом фланге. Неподалеку занимали позиции роты пехотного полка. Там тоже возились люди, мелькали сточенные о грунт блестящие лопаты, куда-то вели лошадей. Только шума и суеты производили больше. Неудиви-

тельно, ведь это обычные стрелковые подразделения, пехота. Не то что мы, прошедшие хорошую подготовку в воздушно-десантном полку и направленные в срочном порядке на фронт.

Двадцать восьмого июня 1942 года армейская группа генерала Вейхса начала наступление из-под Курска. Если взглянуть с большой высоты на холмистые равнины западного правобережья Дона, то в те летние дни можно было увидеть огромное пыльное облако, которое окутывало катившиеся по степным дорогам ударные дивизии четвертой танковой армии. Третьего июля оборона советских войск была взломана, чужие танки с крестами продолжали свой бег на юго-восток. Механизированная масса теснила части Красной Армии, уничтожая обороняющиеся полки, захватывая в плен тысячи бойцов и командиров.

Если в верховьях Дона немецкие танки вышли на рубеж реки уже шестого июля, то войска нового Сталинградского фронта, в том числе 62-я армия, держали оборону в восьмидесяти километрах западнее Дона. В состав армии вошел и наш батальон. Тогда мы еще не знали, что он находится в самой гуще синих штабных стрел, нацеленных на Сталинград.

От нас ожидали активных боевых действий и постоянно напоминали, что мы особое подразделение, обученное и вооруженное лучше многих. Однако чувствовали мы себя неуютно. Батальон раскидали по отдельным участкам. Трехсоткилометровый пеший переход от станции Борисоглебск с

короткими остановками измотал людей. Шагали быстро. Не только ночами, но и днем, несмотря на опасность налетов вражеской авиации. Командиры нас постоянно подгоняли, видимо, у них имелось указание занять линию обороны как можно быстрее. Гонка по горячей степи измотала каждого из нас. Сейчас все улеглись на прохладную землю, куда еще не заползла жара. Вскоре меня разбудил командир взвода Кравченко. Он сидел на краю моей глубокой ячейки, болтал ногами и сворачивал из серой курительной бумаги самокрутку. Нестерпимо хотелось пить. Когда переходили по мосту через речку Чир, очень спешили, пили на ходу, опустошая наполненные фляги. На предложение Кравченко курнуть вместе я отрицательно покачал головой.

– За водой бы надо сходить, – предложил я.

– Поэтому и разбудил, – сообщил младший лейтенант. – Возьми с собой бойца, побольше фляг и прогуляйся к соседям.

– Схожу.

Кравченко был небольшого роста, с развитыми плечами гимнаста. Его назначили к нам перед отъездом из поселка Яблоневый Овраг под Куйбышевом, где мы проходили подготовку. Лейтенант успел повоевать и выгодно отличался от двух других взводных – строевиков. Не суетился, не лез с лишними наставлениями, командовал четко и всегда по делу. Поэтому Рогожин назначил именно его своим заместителем, хотя по уставу замещал ротного обычно командир пер-

вого взвода. И сейчас Кравченко давал возможность бойцам отдохнуть, а не перекраивал линию обороны, как это делали в первом и втором взводах. Ни к чему ее переделывать, когда уставшие люди с трудом выкопали саперными лопатками такие удобные ячейки в каменистой земле кургана. На другие окопы сил пока не хватит.

За водой мы отправились с земляком Гришей Черных, обвешанные флягами темного аптечного стекла. Алюминиевых фляжек не хватало, и почти все бойцы имели именно такую посуду с плотно притертыми пробками. Наши соседи сообщили, что с водой в степи плохо (это я знал и без них), а наполнить емкости можно в лесной балке, километрах в трех позади. Мы оглядели пехотные ячейки, две пушки «сорокапятки», единственную артиллерию в радиусе километра, и зашагали к балке. Шли, разговаривая о разных пустяках.

Когда услышали отдаленный гул самолетов, нырнули в крохотную низину, где торчали несколько кустов акации. Замерли, глядя на тройки тяжелых бомбардировщиков «Хейнкель-111». Разбираться в самолетах нас неплохо научили в учебном полку. Я знал, что эти двухмоторные машины несут две с половиной тонны бомб. Поражали огромные размеры бомбардировщиков. Эскадрилью охраняли четыре истребителя, и мы пожелали тяжело груженным машинам свернуть шею, наткнувшись на наши «ишачки» (И-16). Других советских истребителей я никогда еще не видел. «Хейнкели» скрылись из виду, мы зашагали дальше. Они не удостоили

вниманием слабую оборонительную линию и двух русских солдат в степи.

В балке набрали воды из крошечного родника, отстояв в очереди целый час. Не обошлось без досадных мелочей. Сначала привязался лейтенант, старший патруля, долго проверял документы, хотя чего их проверять? Красноармейские книжки да комсомольские билеты. Лейтенанту не понравились десантные ножи, висевшие на поясе. Зачем ножи? Бестолковый вопрос, они положены по штату, резать стропы парашютов и немцев. Если вы десантники, чего шляетесь по тылам? Я объяснил ситуацию, лейтенант отстал. Когда подошла наша очередь, не смогли открыть две фляги. Притертые пробки застряли наглухо. Я начал стучать рукояткой ножа по стеклу, одна из фляг развалилась.

– Эх, десантники, а еще в сапогах! – смеялись над нами пехотинцы, которые не любили всякие особые подразделения.

Впрочем, смеялись беззлобно, дали возможность наполнить флягу, открытую с запозданием, и хорошенько утолить жажду. Выпили с Гришей литра по полтора мутноватой холодной воды, а на обратном пути вспомнили, что сутки не ели. И вообще, в течение всего перехода кормили нас слабо. Сухой паек прибрали в первый же день, затем получали изредка кашу на ходу, хлеб и сахар в небольшом количестве. Стали гадать, накормят ли нас вечером, и пришли к неутешительному выводу – вряд ли. Батальонные полевые кухни

остались при штабе, а где он сейчас, неизвестно. Воду мгновенно расхватили, да еще обругали нас, что принесли мало.

– Кому мало, пусть сам идет, – заталкивая пустую флягу в чехол, сказал Гриша Черных.

Оправдывая свою фамилию, был он смуглый, еще более загоревший за последние дни. Ростом на голову выше меня, широкий в плечах, он страдал от голода сильнее других. В учебном полку повара без разговоров давали ему лишнюю порцию. Здесь на его мощную комплекцию дополнительного пайка не выделялось.

Еду, конечно, не подвезли, и спать улеглись на голодный желудок. Сон не шел, дежурил с Гришей до трех ночи. На рассвете нас атаковали, причем бой оказался совсем коротким. Когда все кончилось, я долго не мог прийти в себя. Случилось все следующим образом.

Сначала гремело и стреляло на левом фланге. Мы сидели наготове, я шарил в нише, осторожно перебирая бутылки с горючей смесью. Взводный Кравченко обошел окопы, предупредил всех о боевой готовности.

– Товарищ лейтенант, кажется, танки идут, – сообщил я, разглядывая далекое пыльное облако.

– Похоже на то. Не вздумай бежать и крепко держи отделение.

Я заверил лейтенанта, что никуда не побегу, и в свою очередь обошел ячейки отделения. Головы в пилотках торча-

ли наверху, каски никто не надевал. Они мешали слушать. Кроме того, бойцы не верили в тонкую жестяную защиту. Из облака пыли вырвались три танка с короткоствольными пушками и, стреляя на ходу, очень быстро сближались с нами. Я в очередной раз ошупал бутылки и, доставая терочный зажигатель, уронил его на дно окопа. Когда выдернул картонку с серой из-под сапог и поднял голову, то увидел, что три танка, минуя наш бугор, несутся на позиции пехоты. Не запомнил выстрелов «сорокапяток». Как позже выяснилось, артиллеристы вели огонь, но все звуки заглушал гул танков. Они пронеслись в пятистах метрах, сначала три головных машины, затем еще штук шесть, а также мотоциклисты, бронетранспортеры, грузовики. Громящая колонна непрерывно стреляла из многочисленных пушек, пулеметов, выдавливая и уничтожая пехоту. Бойцы убегали без оружия, некоторые спасались в промоине. Три человека, потеряв голову, бежали к нам вверх по склону.

Возможно, они бы спаслись, так как бронетанковый отряд нацелился на развитие успеха только в месте прорыва. Но открыл огонь один, затем второй ручной пулемет из окопов нашего взвода. Я тоже стрелял из карабина. Вряд ли мы смогли причинить какой-то урон с расстояния пятисот метров, однако на стрельбу обратили внимание. Сначала ударили из пушки. Взрывы без всякого пламени прозвучали сухим треском, подкинуло вверх комки земли и полегшую от жары траву. Затем прошлись пулеметами по склону. В нас не по-

пали, зато упали двое пехотинцев, а третий быстро пополз и исчез из виду.

Сколько все длилось, сказать не могу, часы во взводе имелись лишь у лейтенанта Кравченко. Когда наступила тишина и улеглась пыль, обошел ячейки, убедился, что люди живы. Самый старший в отделении по возрасту, ефрейтор Борисюк, прошел срочную службу перед войной. Меня он не жаловал, считая слишком молодым для сержантского звания. Сейчас он курил и тихо рассуждал, что нам очень повезло. Голос понизил не потому, что боялся, а из-за многочисленных мертвых тел внизу.

– Вот так-то, Василий. Набили ряшку и не спросили, как зовут.

– Быстро гады действуют, – согласился я.

Мы оба посмотрели на двух убитых пехотинцев, которые не добежали до окопов всего сто метров. На спинах виднелись бурые разводы засохшей крови. Как бежали, так и легли лицом вниз. Я приказал ефрейтору проверить, возможно, бойцы лишь ранены, и надо их перевязать. Борисюк не стал, как обычно, спорить, а сходил и посмотрел. Вернувшись, сообщил, что красноармейцы убиты наповал, принес несколько винтовочных обойм.

– Чего ж ты их документы не взял?

– Не догадался. Сходи сам, если так важно.

Он по-прежнему говорил тихо. Я понял, что, несмотря на четыре года службы, Борисюк чувствовал себя неуютно и не

решался копаться в карманах мертвых. Я тоже не пошел за документами. В своем окопе с запозданием проверил карабин, он находился на боевом взводе, однако патронов в магазинной коробке и стволе не оказалось. В первом своем бою я выпустил по немцам пять патронов. Это были мои первые выстрелы по врагу.

Наша рота вела себя не так и плохо. Ни один из ста двадцати человек не побежал, хотя танки обтекали холм с двух сторон, и все видели, мы оказались в окружении. Выполняя свою задачу, немцы рвались вперед. Не тратили время на штурм высоты, где окопалось какое-то количество русских. Не сегодня, так завтра нас все равно вышибут наступающие вслед за танками войска. Основной удар пришелся по пехотным подразделениям на правом и левом флангах, а нам достался десяток снарядов и пулеметный огонь с бронетранспортеров. Серьезных потерь в то раннее июльское утро рота не понесла, два-три человека были легко ранены, а остальные, как я считал, получили боевое крещение.

Боевое, потому что мы вели огонь. Стреляли станковые и ручные пулеметы, противотанковые ружья, большинство десантников азартно палили из винтовок, немногих автоматов. Имелись такие, кто лег на дно окопа и, обхватив голову руками, пролежал до наступления тишины. В моем отделении явно струсил второй номер противотанкового расчета, светло-рыжий мальчишка Иван Погода.

К бронейщикам я относился настороженно, они были

не наши. Расчетами ПТР усилили батальон в городе Борисоглебске. Если первый номер, рослый сержант Ермаков, стрелял в одиночку, сам себе подавая патроны, то его помощник совсем потерял голову. Одурев от страха и забыв про свои обязанности, он ковырял лопаткой и ногтями нижнюю часть окопа. Ермаков промолчал, но я понял ситуацию, когда застал его, обсасывающего окровавленные пальцы, с трясущимся подбородком. Рядом валялась сломанная саперная лопатка. Громяхающие танки испугали всех, но такую откровенную трусость показали немногие.

– Что ж ты так? – упрекнул я его.

– Не знаю, товарищ сержант, в глазах помутилось. Простите меня.

Лейтенант Кравченко осмотрел руку и приказал:

– Иди к санинструктору в первый взвод, пусть обработает пальцы. Винтовку не забудь! – крикнул он, видя, что малец вылез из окопа без оружия.

Через час нас покормили сухарями с растаявшим салом без шкурки, каждый получил пачку махорки. Меня вместе с Черных снова послали за водой. На этот раз требовалось принести запас воды на целый день, и я прихватил с собой Ваню Погоду.

На ходу выговаривал ему за трусость. Когда, сделав крюк, дошли до пехоты, стало не до воспитания. Степь была усеяна мертвыми телами, над которыми гудело огромное количество серых мух. Откуда их столько взялось? В степи мухам

негде спрятаться, наверное, прилетели из балки. Почти все красноармейцы лежали головами на восток, убитые пулеметными очередями в спину. Некоторые скорчились клубками, подтянув колени к животу. Я попытался снять с одного из них алюминиевую фляжку, но окоченевшие руки прижали ремень, и расстегнуть не удалось.

– Помогите, что ли, – попросил я своих спутников, но Черных и Погода отрицательно мотали головами.

– Не трогай, – сказал Гриша. – Хватит нам своих фляжек.

Одну «сорокапятку» разнесли орудийными выстрелами с танков, вторая стояла в круглом артиллерийском окопе. На вид целехонькая, но когда подошел поближе, увидел, что прицел снят. Отступая, артиллеристы не до конца потеряли голову, но вряд ли сумели убежать от танков. До единственного укрытия, лесной балки – три километра.

На стрельбище в Яблонево Овраге мы тщательно собирали стреляные гильзы. Здесь не только гильзы, а множество патронов лежали обоймами, пачками, россыпью. В орудийном окопе громоздились ящики, полные блестящих желтых снарядов, кругом валялись винтовки. Новый зеленый, как ящерица, станковый «максим» стоял с заправленной лентой, часть ее пулеметчики успели отстрелять. На дне просторного пулеметного гнезда увидел пустую брезентовую ленту. Значит, пехотинцы оборонялись и вели огонь, хотя я совершенно не слышал выстрелов. Мне не пришло в голову, что пулемет может нам пригодиться (в роте имелись лишь два «максим»).

сима»), зато подобрал саперную лопатку и протянул ее Ване Погоде.

– Забери. Ты же свою сломал.

Будто лопатка являлась важной вещью по сравнению с многочисленными мертвыми телами. Там, где танки разворачивались или газовали, остались следы гусениц и выдранные пучки травы. Увидели массивный чужой мотоцикл с оторванной коляской. Фрицы (тогда это слово прочно укоренилось) аккуратно привалили обе половинки мотоцикла друг к другу, а на коляске я разглядел пробоины от пуль. Мотоцикл развалился надвое, широкое резиновое сиденье и бензобак заляпало подсохшей кровью – они тоже понесли потери, хоть и несравненно меньшие, чем наши. Ваня Погода, позорно струсивший в бою, сообщил, что возле пушек валяется много стреляных снарядных гильз. Такое впечатление осталось о скоротечном оборонительном бое.

Когда возвращались с водой, рыжий Погода предложил забрать пулемет. Снова сделали крюк, хотя шагать мимо трупов не хотелось. Старательно обходили тела, раздавленные гусеницами танков, смотреть на них было страшно, я отворачивался. Но глаза невольно останавливались на бедолагах, которых размолотило, размазало по земле. «Максим» исчез, как испарился. Набили карманы патронами, выбрали две винтовки. Сверху нетерпеливо махали нам пилотками и торопили, чтобы скорее несли воду.

В полдень, когда жара достигла наивысшей точки и все ле-

жали на дне окопов, появились две тройки «Юнкерсов-87», которые спикировали на высоту. Я разглядел оранжевую окантовку крыльев, торчавшие, как шпоры, шасси и успел выстрелить. Двинул затвором, досылая новый патрон, и на этом моя активность закончилась. Пронзительный вой самолетных сирен заставил меня броситься на дно окопа.

Огромное облако дыма, пыли, частиц сгоревшей травы превратило день в сумерки. Взрывы били с такой силой, что меня подбрасывало на полметра, стены окопа сотрясались. Шарахнуло совсем близко, снесло бруствер, и ведер пять земли обрушились на спину. Ничего не соображая, в страхе, что буду похоронен в своей глубокой норе заживо, вымахнул наружу и побежал. Вокруг творилось невообразимое. Тяжелые бомбы взрывались короткими вспышками, поднимались столбы земли, опадающие градом комьев, мелких камней, каких-то ошметков.

В первые же минуты меня контузило, в ушах стоял звон, я терял равновесие и падал не от взрывной волны, а потому, что шатался, как пьяный. Куда я хотел убежать? Сам не знаю. Свалился набок, приступ кашля мешал двигаться. Я втягивал в себя отравленный тротилом воздух и никак не мог вдохнуть, горло забило наглухо. Пришел другой страх, более сильный – задохнусь и умру от удушья. С трудом поднялся, втянул в себя воздух, пусть и отравленный.

Меня отрезвил взрыв, который обжег тело мелкими кусочками земли, словно кнутом. В голове мелькнуло: если по-

бегу дальше, убьет осколками. Увидев окоп, свалился в него на чье-то тело. Хозяин окопа отодвинулся к стене, и мы вместе с ним переждали бомбежку. Наступила тишина, в ушах по-прежнему звенело. Владельцем окопа оказался красноармеец из второго взвода. Я пробежал по высоте не меньше ста пятидесяти метров, уцелел лишь благодаря случайности и тому факту, что «Юнкеры» бросали тяжелые фугасные бомбы, а не мелкие осколочные. Иначе меня давно бы срезало.

Фугасы сделали свое дело, мир вокруг перевернулся. Зеленая трава стала серой, словно неживой от осевшей пыли. Глубокие воронки диаметром пять-семь метров покрыли склоны. Сильные удары разломали сухую почву, вокруг змеились трещины. Наверх вытолкнуло обкатанный валун, он лежал на моем пути, и я растерянно оглядел его. В степи камней попадалось мало.

До заката мы старательно чистили окопы, извлекали из земли и протирали патроны. Винтовки также пришлось разбирать и смазывать заново. Никто не вспоминал мое бегство, возможно, оно не являлось бессмысленным. Страх, что меня похоронят заживо, оказался реальным. Мы откопали два сплюснутых тела с желто-фиолетовыми от удушья лицами. Погиб наш сержант – помкомвзвода, ему разбило голову. Он сидел в окопе, привалившись к стене, нижняя челюсть отвисла. Перед смертью он чему-то удивился и застыл.

– Мальков, ты назначаешься моим заместителем, – сооб-

шил лейтенант Кравченко. – Штаны зашей... гимнастерку тоже.

Я машинально поблагодарил за доверие, оглядел лопнувшие по шву шаровары, попытался застегнуть гимнастерку с оторванными пуговицами. Решил, что сделаю это потом. Относили, отводили в тыл роты раненых и контуженых. Последних оказалось много. Людей глушило бомбами, как пескарей веслом. Ефрейтор Борисюк мог идти только боком, голову свернуло судорогой, он пытался что-то сказать и никак не мог. Другого бойца тряхнуло с такой силой, что переломало кости и отбило внутренности. Когда его грузили на плащ-палатку, я ощутил под пальцами на месте ребер мягкую шевелящуюся массу. Он умер через несколько минут. Люди передвигались, словно шальные, приходилось брать за руку и подводить к окопу.

– Отдохни, полежи.

– А вдруг землей завалит? Лучше наверху лягу.

– Ложись наверху, – соглашался я.

Мне не приходило в голову, что немцы могут внезапно атаковать. Казалось, что, выжив после смертельной бомбежки, мы заслужили право на дальнейшую жизнь. В то же время я вместе с лейтенантом Кравченко заново готовил взвод к обороне. Хорошо помогал бронебойщик Ермаков и мой земляк Гриша Черных. Отошел от испуга Ваня Погода и старательно протирал тряпкой увесистые патроны к противотанковому ружью. Из строя выбыла треть личного состава.

Первый и второй взводы понесли не меньшие потери. На левом фланге долго поднимался дым, горели бутылки с горючей смесью в окопе пулеметчиков. Оба бойца сгорели, я видел их тела, превратившиеся в головешки.

Все просили пить. Возможно, такая причина, как вода, необходимая в первую очередь для раненых, заставила командира роты Рогожина сняться с позиций. Мы перестали быть боеспособной единицей. По степи тянулась вереница людей, несли на плащ-палатках тяжело раненных и контуженых. Как хоронили погибших, в памяти не запечатлелось. Возможно, их укладывали в просторные двойные окопы бронбойщиков и пулеметчиков. А может, оставили на высоте без погребения, слишком обессилены и подавлены были люди. Словом, я пришел в себя, когда мы покинули высоту и шагали по степи.

Даже четыре человека на одного раненого явно не хватало, немели пальцы, сжимавшие тонкий брезент. Контуженые бойцы ворочались, мешая их нести, некоторые пытались оттолкнуть носильщиков. То в одном, то в другом месте пострадавшие красноармейцы вываливались на траву из плащ-палаток. Путь до балки занял не меньше часа. В первую очередь кинулись искать воду.

Это оказалось не так просто. Наверное, возле родника толпились люди, и бомбы сыпали именно сюда. Здесь лежали поваленные деревья, а воронки во влажной земле были очень глубокими. Родник уничтожило попаданием тяжелой

бомбы. Набирали грязную теплую воду в воронках, осторожно спускаясь на дно. В балке собрался весь батальон, а также другие подразделения. Командиры совещались, что-то решали, затем началось движение. Раненых забрали на повозки, а нашу роту построили и долго хвалили непонятно за что. От этих похвал я не ждал ничего хорошего. Ефрейтор Борисюк, который отошел от контузии и опрометчиво вернулся в строй, настороженно ждал, чем закончится речь. Незнакомый полковник напомнил, что мы десантники, на нас возлагают надежды, и удалился. На более простой язык поставленную задачу перевел комбат.

Нашей роте предстояло перекрыть в трех местах дороги через балку и обеспечить отход двух пехотных полков. В степи можно ехать, придерживаясь лишь направления, однако, когда попадается овраг или низина, ее так просто не одолеешь. Несмотря на жару, здесь скапливается влага, особенно под солончаковой глиной. Конечно, из балки видно не так далеко, как с высот, но и проезжих дорог совсем немного. Здесь имелась возможность нанести удар и задержать на какое-то время наступающего врага. Тем самым дать возможность отойти остальным частям.

– Все бегут, а мы чужие задницы будем прикрывать, – перевел приказ на еще более простой язык ефрейтор Борисюк. – Ох, зря я с ранеными не уехал. Пропадешь не за хрен собачий.

Остальные приняли приказ с воодушевлением. Нам оста-

вили большое количество боеприпасов, противотанковых и ручных гранат. Бутылки с горючей смесью стояли в ящиках целыми штабелями. Берите, уничтожайте врага. Если вы спецназ, покажите, на что способны.

Германские войска после зимней неудачи под Москвой уже два месяца вели успешное наступление. Степные районы юга России, как никакая другая местность, являлись весьма удобным местом для применения всех видов техники. Немцы катили на своих колесах по бесчисленным дорогам, а то и прямо через степь. С высоты бронетранспортера или грузовика местность просматривалась на километры. Они теряли осторожность, чувствуя себя, как дома. В небе хозяйничали немецкие самолеты, а танки прорвали оборону. Кого бояться?

В безымянной балке между Ростовом и Сталинградом мы приняли первый бой. Небольшой по масштабам, но позволивший использовать всю полугодовую учебу и злость, накопленную за последние дни.

Три грузовика двигались по проселочной дороге, пересекавшей балку в верхней оконечности, где лесистый овраг превращался в низину с редкими мелколиственными вязами и пучками терновника. Грузовики, с плоскими радиаторами и брезентовым верхом, двигались с интервалом сто метров. Взвод насчитывал около тридцати человек, не такие уж большие силы. Кроме того, все были уверены, что вслед за танка-

ми хлынет механизированный и пеший поток войск. Скорее всего, грузовики являлись одним из головных отрядов. Лейтенант Кравченко без колебаний принял решение вступить в бой. Он хорошо понимал, что после всего увиденного, жестокой бомбежки взвод хорошо подготовленных десантников превращается в толпу растерянных людей. Требовалась хоть маленькая, но победа.

Два грузовика, не снижая хода, влетели в низину, а третий задержался на спуске. Очереди станкового и двух ручных пулеметов подняли облачко пыли, пули рикошетили, уходя от накатанной поверхности дороги. Расчеты быстро сделали поправку на расстояние, оно составляло метров двести, из деревянного борта головного грузовика брызнули отколотые щепки. Брезент на машинах частично свернули возле кабин и заднего борта, там сидели солдаты в серо-голубой форме и пилотках, похожих на небольшие шапочки. Лихорадочно двигая затвором, я выпустил пять пуль, не целясь. Вставляя новую обойму, словно в замедленном фильме, увидел панораму боя, мгновенно врезающуюся в память.

Головной грузовик, пуская выхлопы дыма, одолевал подъем, с заднего борта вели огонь из винтовок. Вторая машина замерла посреди низины, из кузова выпрыгивали солдаты, двое лежали возле нее, непонятно, убитые или собиравшиеся стрелять. Если вокруг этой машины творилась суета явно не ожидавшего нападения врага, то возле третьего грузовика на западном склоне балки развертывалась активная оборона.

Не менее пяти-шести человек стреляли из винтовок и автомата. В эту минуту я сумел взять себя в руки и даже отдать вполне разумный приказ лежавшему рядом Грише Черных.

– Бей по третьей машине.

Передвинул планку прицела на двести пятьдесят метров и выстрелил, целясь в радиатор. Несмотря на непрерывный треск выстрелов, услышал характерный удар о металл – попал в кабину. Двинул затвором и снова попал. Именно третий грузовик казался наиболее опасным. Отсюда вели огонь сверху вниз, и если бы у них имелся пулемет, то нам пришлось бы туго. Грузовик в ложбине дымил, может, и горел, но пламя в ярком свете солнца заметно не было.

Лейтенант Кравченко пробежал мимо, отдавая команды и показывая рукой в ту сторону, куда стреляли мы с Черных. Потом он оттолкнул ручного пулеметчика и умело ровными очередями выпустил диск, зарядил новый. Слева закричал один из бойцов. Прижимая ладони к лицу, вскочил и побежал. Наверное, он ничего не видел, через пять шагов споткнулся о суслиную нору и упал. Я лишь на секунду оглянулся в его сторону, пытаюсь угадать, кого ранило. На дороге громко взорвался бак ближнего грузовика, из развернутой емкости поднялся клуб дыма. Топливо горело небольшими лужицами, а под машиной полыхало целое озеро.

Головной грузовик катился вниз, разгоняясь все сильнее. Сейчас перевернется! Но шофер сумел переключить скорость и остановиться. За машину взялся расчет «максима»,

очень эффективного на таком расстоянии пулемета. Длинные очереди хлестали по брезенту, крошили доски кузова, пробили задние скаты. Машина, как лягушка, присела, еще больше задрал радиатор. Двое солдат перемахнули через задний борт и, стреляя на ходу, отступали.

Мы выигрывали бой, стрельба достигла наивысшей интенсивности. Я высаживал очередную обойму в свою цель, третий грузовик. Кравченко, в десяти шагах от меня, с руганью отбросил перегревшийся пулемет Дегтярева и вел огонь из винтовки. Уцелевшие фрицы бежали в степь, а третья машина, газуя, делала разворот. Там поняли, пора отступать, но не хотели бросать уцелевших камрадов. Водитель грузовика увеличил скорость и, очень рискуя, спустился вниз и одного за другим подбирал своих солдат. На нем сосредоточился огонь всех наших стволов, пробили кузов, брезент, но смелым везет. Машина, прыгая на кочках, скрылась в степи, а мы побежали к дороге.

Я не представлял, что техника может так гореть. Грузовик внизу превратился в огненный клубок, черный дым от дизельного топлива, брезента, какого-то груза ввинчивался штопором в бледно-голубое небо. Одна из шин взорвалась, кусок резины, описав дымный след, шлепнулся на траву. Тело убитого немца возле машины шевелило жаром, огонь бежал по остаткам униформы, превращая завоевателя в головешку. В подсумках взорвалось несколько патронных обойм. Бойцы шарахнулись от неожиданности назад, затем приня-

лись осматривать убитых.

Их оказалось пять, шестого обнаружили в старой дорожной колее. Тело в серо-голубом мундире отчетливо выделялось на фоне выгоревшей травы. Позже я смогу убедиться: защитный цвет германской полевой формы позволяет неплохо маскироваться среди развалин домов или в степи, когда наступает серо-пасмурная погода, которая часто случается в Европе. Такого зноя, как в наших южных краях, когда степь выгорает от горизонта до горизонта, завоеватели, наверное, никогда не знали.

– Гля, сапоги кожаные!

Бывалый ефрейтор Борисюк обратил внимание на обувь. Сапоги никто из нас не тронул. После первого для большинства красноармейцев боя казалось дикостью раздевать и разувать мертвых. Немецкие винтовки особого впечатления не произвели, у нас хватало своих вполне надежных трехлинеек и карабинов. Подобрали автомат с дырчатым кожухом и магазином сбоку, гранаты с деревянными ручками. Из трофеев запомнились штык-ножи, наручные часы (их сразу расхватили) и яркие календарики. Политрук Елесин приказал собрать документы убитых немцев и сложил в полевую сумку.

В головной машине, которая застыла на склоне с пробитыми колесами, обнаружили катушки с разноцветным проводом, телефоны, складные деревянные палки для шестовой связи, консервы, хлеб. Продукты забрали, остальное подожгли. Деревянный кузов и брезент горели отлично, затем

вспыхнул хлорвиниловый кабель, а довершили разрушение машины гранаты, которые остались в кузове. Они взрывались друг за другом, разбрасывая обломки досок.

– Наездились, сволочи! – удовлетворенно заметил кто-то из бойцов, глядя, как горят и разваливаются два грузовика, вражеская боевая техника.

Младший лейтенант Кравченко провел бой вполне грамотно, однако и немцы умели целиться. Во взводе погиб один боец, трое получили ранения, их отнесли в лес. Еще более поредевший взвод лежал возле дороги часа два. Затем пришел приказ от Рогожина собираться вместе. Все с облегчением стали подниматься. Горячка боя уступила место ожиданию беды. Здесь, в низине, мы не чувствовали себя защищенными. Единственный танк мог расстрелять нас сверху без всякого риска для себя, и вряд ли нам помогли бы противотанковые ружья.

Два других взвода пролежали в своих засадах безрезультатно. Хуже того, на первый взвод «Мессершмитт» сбросил бомбы, четыре человека получили ранения и контузии. Раненых набиралось семь человек, и нести их предстояло долго. Плащ-палатки для этой цели не годились, принялись мастерить самодельные носилки. Все торопились покинуть балку как можно быстрее. Деревья, которые росли в балке, для носилок не годились. Тополя слишком ломкие, акация, терновник – корявые. Срубили несколько дубков, стволы оказались очень тяжелые, но другого выхода не остава-

лось.

Фельдшер Захар Леонтьевич мастерил носилки и оказывал помощь раненым, заодно просвещая нас. Медицинской подготовке на курсах уделялось довольно много времени, однако его советы врезались в память.

– Главное – остановить кровотечение. Видите, как я повязки накладываю.

Одному из бойцов острый осколок размером с гороховый стручок вонзился в плечевой сустав рядом с ключицей. Захар Леонтьевич выдернул осколок и соорудил хитрую повязку. Другому красноармейцу сломало взрывной волной в нескольких местах ногу. Она распухла, человеку сделалось плохо. Фельдшер тихо произнес:

– Страдает парень. Ему бы спирта граммов двести, может, во сне и отойдет.

– Выздоровеет, что ли? – наморщил лоб Гриша Черных.

– Излечится... от всех бед.

Глядеть на страдавших раненых было тяжело. Когда один из бойцов вспомнил невпопад об удачном бое, его оборвали:

– Ох и храбрец!

– Тут люди помирают, а он героя из себя строит.

Боец замолчал и убрал подальше трофейный автомат, которым хвалился. Перед дорогой нас накормили рыбными консервами без хлеба, напились впрок воды и заполнили фляги. Поджигали имущество, оставленное интендантами. Тяжелые, свернутые комком палатки, гору противогазов,

ящички с мылом. Особенно не старались, так как сильное пламя могло нас выдать. Бутылки с горючей смесью бросили в кусты. Те, кто постарше, глядя на горящее добро, вздыхали:

– За это мыло что угодно можно выменять. Бабы с руками оторвут.

– Дай бог самим ноги унести.

К ночи двинулись в путь. Тяжеленные носилки с нашими товарищами оттягивали руки, но шли бодро. Мы одержали победу, возбуждение от короткого боя еще не прошло. Шагали быстро, меняясь каждые полчаса. Гриша Черных, самый сильный боец во взводе, тащил носилки по часу. Очередная четверка подхватывала струганые ручки, наше настроение передавалось раненым.

– Ничего, все будет нормально!

Июльские ночи в донских степях теплые, а звезды не такие яркие, как осенью или зимой. До моего родного хутора расстояние составляло километров двести. Шагая в такт раскачивающимся носилкам, я думал о матери и своих близких. Вдыхал знакомый запах полыни (трава пахнет именно ночью) и размышлял, что ожидает нас с рассветом.

В ту ночь я не знал, что немцы уже на Дону, а мой родной хутор окажется в семи километрах от линии фронта. Первый бой нашей роты вместе с другими боевыми действиями 62-й армии найдет отражение в нескольких строчках истории Отечественной войны. Там будет сказано, что 17 июля начались оборонительные бои на дальних подступах к Сталин-

граду. Так начиналась Сталинградская битва.

Июль сорок второго, второе военное лето. Тяжкое время.

Глава 2

Война и до войны

Я родился 18 апреля 1923 года в хуторе Острожки Серафимовического района Сталинградской области. Райцентр назван в честь известного писателя Александра Серафимовича. Кто не знает, кто он такой, коротко объясню. Известный русский писатель, автор правдивого и жестокого романа о Гражданской войне на юге России. Дай бог, чтобы такую же правду написали о нашем времени.

Хутор находится всего в пятнадцати километрах от районного центра. Однако мои родные места можно назвать глушью. Пойменный густой лес, отсутствие дорог, а электричество добралось до нас лишь в шестидесятых годах. От реки Дон хутор отделяют семь верст, местность вокруг именуется Арчединско-Донские пески. Слово «пески» мы произносим с ударением на первом слоге. Думаю, в эту глушь далекие наши предки забрались не от хорошей жизни, то ли прятались от царского «прижима», то ли не хватало земли для прокормления.

Хутор насчитывал перед войной десятка три домов, имелась начальная школа, куда ходили также дети из ближних лесных поселков. В нашей семье было пятеро детей, я – четвертый по старшинству. За счет старшего брата и сестер,

взявших на себя основной труд, сумел закончить не только начальную школу, но и семь классов в Серафимовиче. После семилетки работал в колхозе, а перед войной поступил в сельхозтехникум, даже успел закончить до призыва в армию один курс.

Я люблю свой крохотный хуторок. В войну он грезился мне уютным и теплым островком, где я знал с малых лет каждого человека – если не родня, то друзья или приятели. Из-за отдаленности нас обошла стороной великая смута коллективизации, когда по всей стране крестьян сгоняли в колхозы. По разнарядке раскулачили Ефрема Малькова, нашего дальнего родственника. Отделался он конфискацией имущества, прожил сколько-то лет на выселках, затем вернулся с семьей в Острожки.

Несмотря на обилие древесины, сосны трогать запрещалось, за это можно было угодить за решетку. Дома возводили небольшие, зато имелись они у каждой новой семьи. Пахотных земель также недоставало. Имелось лишь небольшое пшеничное поле, а остальные клочки, отвоеванные у леса, засевали под огороды. Выращивали картошку, капусту, свеклу, помидоры, ну и фруктовые деревья. Их умудрялись, как и везде, обложить огромным налогом, владельцы всячески от них открепивались, не забывая собирать богатый урожай яблок, груш, очень крупной черешни. Колхоз (вернее, его отделение) считался животноводческим, свою трудовую деятельность я начал после четвертого класса в качестве под-

паска, а закончив семилетку, работал год на молочной ферме.

Рыбы в Дону и окрестных озерах хватало, она составляла существенную часть питания. По весне и осени с Дона привозили огромные корзины свежих и соленых лещей, сазанов. Знаменитая донская чехонь, вяленая, светившаяся на солнце от жира и плотно набитая икрой, до войны не ценилась. Сейчас ее можно купить лишь за большие деньги. Зато пользовались спросом сомы весом до трех-пяти пудов, из которых делали котлеты, просто жарили и вялили отличный балык. Зимой в прорубях ловили щуку и сушили ее в сараях большими вязками. Я щуку не любил из-за сильного запаха тины.

В семье имелись две берданки 32-го калибра, ружья старые, сработанные до революции. Узкие длинные патроны вмещали десяток самодельных дробинок или одну круглую пулю. С отцом Андреем Дмитриевичем и старшим братом Степаном выслеживали в лесу зайцев и лис, приносили диких уток. Охота считалась баловством, однако из берданки я научился стрелять довольно метко, позже это умение пригодилось.

Большим событием в жизни стали несколько поездок в Сталинград. Мой дядька работал на железной дороге и брал меня с собой в поездки. Получалось целое путешествие в вагоне общего класса, куда набивалось людей, как селедки в бочку. Я ехал с двумя проводниками в их служебном купе.

Запомнился хороший дорожный чай, гудящая ночью печка и дни, проведенные в дороге. Ездил я не просто так. Отец передавал со мной для продажи соленые грибы, домашнюю сметану и масло. Грибы в безлесном Сталинграде расходились отлично, на вырученные деньги покупались обувь и сахар. Родители планировали даже устроить меня в железнодорожный техникум, однако дядька заболел, уволился с работы. Без него поездки стали бы слишком дорогие и хлопотные.

Какие еще события запомнились из того периода? Конечно, учеба в Серафимовиче (уездном городке на живописных холмах Дона) в школе-семилетке, с тридцать шестого по тридцать девятый год, где я жил совершенно самостоятельно у дальних родственников. Учебу после четвертого класса продолжали очень немногие. Дело в том, что поступали в первый класс с восьми лет. Четыре класса растягивались из-за нехватки учителей лет на пять, а в тринадцать годков мы все считались уже работниками. Детство кончалось рано. Тем, кто продолжал учебу, завидовали. Все же сидеть за партой гораздо приятнее, чем просыпаться чуть свет и заниматься монотонным крестьянским трудом.

Родственники жили бедно. Радовались, когда я приносил из Острожек сало и домашние пирожки. Порой неделями сидел вместе с родней на пустой похлебке и жидкой каше. Справедливости ради скажу, что родственники могли бы жить лучше. Были они какие-то непутевые, увольнялись с

одной работы, не торопились устраиваться на другую. Часто ставили в огромной бутылки брагу и, не дожидаясь, пока она созреет для самогона, пили ее ковшами.

В Серафимовиче я впервые увидел городских пионеров в красивых пилотках-испанках, посмотрел фильмы «Джюльбарс», «Чапаев», «Мы из Кронштадта». Библиотека в школе оказалась довольно богатой, с удовольствием читал Бориса Лавренева, Аркадия Гайдара, запомнился «Вратарь республики» Льва Кассиля.

Во второй раз приехал в Серафимович в 1940 году. Поступил в сельхозтехникум, получил место в общежитии. Парень я уже был взрослый, с первых недель стал подрабатывать на мелькомбинате, мельнице, как ее называли. По субботам и воскресеньям танцевал с городскими барышнями, провожал их до дома, целовался. Будущее казалось безоблачным. Раз в месяц появлялся в хуторе, приносил в семью муку, сахар, проделывая путь туда и обратно пешком. Однажды в феврале сорок первого попал в метель, потерял сумку с мукой, отморозил пальцы на ноге. Пролежал дня три дома и вернулся на занятия с опозданием.

Войну воспринял как огромную неожиданность. Время было противоречивое. С одной стороны, газеты и радио убеждали, все идет нормально, с Германией заключен мир, а с другой стороны, твердили о необходимости быть готовыми к любым проискам мирового империализма. В техникуме допризывная подготовка занимала важное место, особен-

но химическая защита, стреляли также из малокалиберных винтовок, я несколько раз занимал призовые места.

Работа на мелькомбинате помогала жить неплохо. Зарабатывал я рублей девяносто в месяц. Обед в студенческой столовой стоил 50 копеек, булочка со стаканом молока – 12 копеек. Я даже сумел купить себе костюм за 75 рублей, черного цвета, громоздкий и очень плотный. В городе это убожище носить не рискнул, но родителям мой костюм понравился.

– Ты в нем как инженер, – хвалила мой выбор мама.

Этот неудачный костюм я почти не надевал. Затем его благополучно сожрала моль.

За два дня до начала войны сдал свой последний экзамен летней сессии. Двадцать второго июня, как и все, слушал речь народного комиссара Молотова о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Люди повторяли его слова: «Враг будет разбит. Победа будет за нами». В техникуме состоялся митинг, а затем человек семьдесят учащихся пошли к военкомату записываться добровольцами на фронт. В их числе находились ребята и девчонки, которым исполнилось всего лет шестнадцать-семнадцать. Как и многим, нам предложили возвращаться по домам и ждать дальнейших указаний. В отношении шестнадцатилетних стало ясно, что им предстоит учиться дальше, а насчет меня дело обстояло сложнее. Я подлежал призыву, и военкоматовский работник сказал, что, вероятнее всего, получу направление в военное училище.

– Дома можно пока побыть?

– Можно, – ответил старший лейтенант с кубарями на петлицах. – Там и жди повестку. Денька через три-четыре наведайся к нам снова.

Он не знал, что я живу в районе, а то бы обязательно меня притормозил. Я благоразумно промолчал, так как настроился съездить домой. Вернее, сходить. Несмотря на небольшое расстояние до Острожек, добираться туда было непросто, особенно в холодное время года. Требовалось переправиться на пароме или лодке через Дон, сделать крюк по проселку, выйти на малонаезженную лесную дорогу. Пятнадцать верст превращались в двадцать пять. За все время учебы в семилетке и техникуме лишь два раза удавалось поймать попутную машину, слова «автобус» мы тогда еще не знали. На подводы (обычно груженные) меня не брали – молодой, доберешься на своих двоих! Ничего, добирался.

Двадцать третьего июня пришел домой, отмахав без отдыха весь путь. Сразу попал за стол, провожали старшего брата Степана. Он сидел пьяненький, увидев меня, заплакал. По характеру мягкий, добродушный, но в трусости его никто бы не обвинил. Плакал он по двум причинам. Во-первых, жалел свою молодую жену и ребенка, а во-вторых, как у нас говорили: «Плакал не человек, а водка». Обхватив мои плечи, Степан заставил меня силой выпить полстакана самогона, потом еще.

– Вася, ты теперь главный помощник отцу. Бросай к яд-

реной фене город и возвращайся в хутор. Может, отсидишься здесь, мне все равно пропадать!

Чтобы не опьянеть, я ел картошку с мясом, балык из сома. Степан, не обращая внимания на остальных, предложил пойти покурить. Я не курил, но составил ему компанию. В сенях он снял с гвоздя свою берданку.

– Дарю на память, вспоминай обо мне.

– Спасибо, Степа. Ты бы не пил больше. Жену Ленку успокой, она сильно переживает.

– Теперь все равно, а Ленка другого найдет.

Когда выходили на улицу, он споткнулся и упал с крыльца. На шум вышла мама и позвала обоих в дом. Я знал, что провозжают некоторых моих друзей, и попросил маму отпустить меня на часок. В тот вечер проводил не только брата, но и близких товарищей. Странную картину представлял наш хуторок среди леса. Над деревьями висела ярко-желтая, продолговатая луна. Среди пятен на ней изображение услужливо рисовало картину человеческого черепа. Волчье солнце – так иногда называли в наших краях луну. А насчет черепа я слышал позже на фронте и от других ребят. Именно такой казалась им луна в первые ночи войны.

В домах тускло светились огни керосиновых ламп, где-то сидели молча, где-то пели песни. В маленьких лесных хуторах на левом берегу Дона смешались бывшие крестьяне, казаки, жители голодных областей, бежавших на юг в начале двадцатых годов от голода. И песни пели разные. Не знаю,

кем являлись мои предки, но казачьи песни я не любил. Они казались протяжными и одновременно крикливыми, когда подвыпившая компания за столом тянула на двух нотах строфы о том, как уезжал казак с родимой сторонushки, осиротел без него дом, никогда он к семье не вернется. Тоска сплошная.

Впрочем, я не имел музыкального слуха, петь не любил, лишь разевал рот. Такую унылую песню громко выводили в доме моего друга детства Лени Малькова. Не удивляйтесь, у нас половина хутора носила фамилию Мальков, а другая половина – Крыгины, Забазновы и прочее. Мы обнялись с Леней, выпили. Рядом сидела его невеста-жена Зина. Расписаться в сельском совете они не успели. Но родители жениха и невесты из каких-то мудрых соображений разрешили им спать вместе. Леонид Мальков сгинул без вести летом сорок второго, зато осталась дочь. Так иногда поступали и в других семьях.

С Леней посидели часа два. В отличие от брата, он имел бодрое настроение. Крепкий физически, сильнее большинства взрослых мужиков в хуторе, он представлял войну в виде приключения или драки на танцах из-за девушки. В таких поединках он всегда одерживал верх. Сложенный, как атлет, Леня Мальков обнимал молодую жену-невесту, смеялся. Таким он мне и запомнился. Светло-русый мальчишка, не сомневающийся, что одолеет в схватке любого. Леня смеялся, просил меня приглядывать за женой. Она у него была

какая-то невзрачная, чернявенькая. А ведь за Леней самые красивые девушки бегали.

– Выпьем, Вася, – поднимал он стакан с яблочным вином. – За то, чтобы я быстрее вернулся. С победой.

– Конечно, Леня.

Мы выпили вина, чем-то закусили. Леня Мальков пришлет из армии несколько коротких писем-треугольников, которые его мать будет хранить до самой своей смерти. Затем отдаст мне, чтобы я передал их в какой-то музей. В музей их примут неохотно, так как в восьмидесятых годах фронтовиков оставалось еще много, чего с ними носиться! Письма просто исчезнут. Ничего особенного в них не нашли. Леня воевал под Ростовом, сообщал, что был ранен. Не жаловался и не ныл, хотя представляю, какого лиха хлебнул он за это время.

– Жалко, что в армию вместе не попали, – говорил Леня. – Вдвоем мы бы показали чертовым фашистам.

– Показали бы, – соглашался я.

В армию я не слишком рвался, хотя и не отлынивал. Призовут – значит, пойду.

В тот вечер заходили соседи, другие призывники. Договаривались, где встретятся утром, чтобы идти пешком в райцентр. Ни один из них, в том числе мой старший брат Степан, домой уже не вернутся. Они впишутся в мрачную статистику Отечественной войны, забравшей жизни почти всех призывников сорок первого года. Несмотря на оптимизм, Ле-

ня имел нехорошие предчувствия. Утром, когда пьяненькая толпа собралась на окраине, он крепко обнял меня.

– Ну, все, не поминай лихом, Вася. Вряд ли встретимся.

При этих словах жена его заплакала. А как бились и кричали матери, лучше не вспоминать.

Я побыл дома еще два дня, затем отправился в обратный путь. Хорошо, что вырвался проведать родню и друзей. Многих я видел последний раз, а в хутор вернусь лишь через восемь лет.

В общежитии меня поджидала повестка. Шел в военкомат, считая, что не сегодня, так завтра заберут на фронт, но дело повернулось по-другому. Знакомый старший лейтенант показал письмо за подписью директора мелькомбината с просьбой оставить меня для работы на производстве, как нужного специалиста. Письмо удивило, ведь я там лишь подрабатывал по вечерам и воскресеньям. Старший лейтенант сделал отметку в своем журнале и сказал:

– На границе идут очень сильные бои. Считай, тебе повезло, имеешь временную отсрочку.

– Наши скоро немцев погонят, – машинально произнес я, уверенный в непобедимости Красной Армии.

– Конечно, – торопливо ответил военкоматовский командир. – Ну, иди, Мальков.

– Отсрочка надолго?

– Позже сообщим, грамотные ребята нам нужны. А вообще, готовься в военное училище.

– Хорошо бы в летную школу.

– Это уже зависит от разнарядки и медкомиссии. Летчики ребята-молодцы.

Конечно, молодцы, не то что вы, бумажные командиры, размышлял я, шагая по знакомой дороге на мелькомбинат. Я имел твердую уверенность, что немцев скоро разобьют, отсрочка будет короткой, и мне удастся повоевать. Однако действительность быстро расставила все по своим местам. Двадцать восьмого июня 1941 года фашисты захватили Минск, шестнадцатого июля – Смоленск, девятнадцатого сентября – Киев. Кстати, войну назвали Отечественной именно 22 июня в обращении правительства к народу.

Позже сильное впечатление на всех произвел парад на Красной площади седьмого ноября, когда немцы подступили к Москве. Вроде нехитрое дело, прошли перед мавзолеем колонны красноармейцев и какое-то количество техники. Но в моральном смысле сразу треснула вражеская пропаганда, мол, страна обезглавлена, Сталин сбежал из Москвы, армия уже не существует и так далее. Этим простым и очень понятным ходом руководство Союза поставило все на свои места. Более того, огромное впечатление произвели грозные слова Сталина, сказанные перед праздничным парадом: «Если немцы хотят войну на уничтожение, они ее получат!» Эти слова мы повторяли со злой уверенностью. Так оно и будет, никто из молодежи не сомневался.

Как в любое тяжелое время, с началом войны проявлялась сущность людей. Если в моем родном хуторе не оказалось ни одного дезертира, то непутевый родственник в Серафимовиче со слезами прибежал ко мне и просил устроить на мельницу, где действовала отсрочка от армии. Худой мужик, лет на пятнадцать старше, унижался, как сопляк.

– Вася, меня не сегодня-завтра в армию заберут. Помоги устроиться на любую должность.

Я знал, он никудышный работник, любитель выпить, и не хотел с ним связываться.

– Не смогу помочь. Я сам всего лишь техник, а такие вопросы решает директор.

– Попроси директора, ведь я тебе тоже помогал.

Проклиная себя за мягкотелость, пошел к директору. Тот, как ни странно, помог. Все закончилось неприятностью. Родственник очень боялся призыва, а его должность простого рабочего не давала брони. Он уклонялся, пытался прятаться на мелькомбинате, пока за ним не пришел милиционер и обругал нас, что прячем нарушителя. Что стало с родственником, не знаю.

На мелькомбинате имелся комсорг, кудрявый губастый парень, Виталий Желтков. Он любил со мной поговорить о девушках и рыбалке. Общение с ним тяготило. Он хвалился и врал по любым пустякам, одновременно произносил много всяких слов о долге, верности родине. Я чувствовал непонятные грехи и ежился. Комсорг комбината – большой че-

ловек! Я очень удивился, когда он растерянно сообщил, его забирают в армию, а остается много всяких дел. Ну, ничего, он поговорит в райкоме партии, и его оставят.

Действительно, на какое-то время оставили. Комсорг даже возглавил ремонтную бригаду, но толку от него не получилось. Если раньше он мог филонить, то теперь стало сложнее. Он пытался снова сесть на своего любимого конька – болтать о долге и комсомольской совести. Оправившись от испуга, однажды строго спросил меня:

– Ты вот работаешь, а почему в армию не спешишь? Боишься?

– Призовут – пойду. А пока считают, я здесь нужнее.

Но губастый Желтков не отставал:

– Сейчас долг каждого воевать с фашистами.

Меня это разозлило, и я перешел в наступление.

– Чего же сам в добровольцы не рвешься? Бегаешь, защиту ищешь, лишь бы в тылу зацепиться.

Комсорг смутился. Вскоре его забрали в армию. Уходил он подавленный, потухший. Пробормотал на комсомольском собрании прощальную речь, а затем исчез. Вряд ли из него получился какой-либо толк. Цену таким болтунам я уже знал.

На мелькомбинате я отработал шесть с половиной месяцев, до середины января сорок второго года. Предприятие считалось оборонным, большинство людей, трудивших-

ся там, имели броню. Мы не только мололи зерно, но пекли хлеб, делали галеты, отличные сухари для Красной Армии. Позже, на передовой, макая в кашу или чай сухари, я часто вспоминал мельницу. Забылись пятнадцатичасовые смены, когда засыпал на ходу, а утром не мог открыть от усталости глаза, дорога в три километра по заснеженным улицам города. На мельнице сложился хороший коллектив, здесь в моей жизни появилась первая женщина. Она проводила меня до военкомата, а спустя несколько дней я оказался под городом Куйбышевом (ныне Самара) в поселке Яблоневый Овраг, в учебном батальоне воздушно-десантного полка. Никогда не думал, что окажусь в таком, как теперь говорят, элитном подразделении.

Впрочем, в тот период десантные войска находились если не в загоне, то в состоянии какого-то ожидания. Остались в прошлом знаменитые учения 1936 года в Киевском военном округе, когда с тяжелых самолетов десантировались три тысячи человек с легким и тяжелым вооружением. Иностранные наблюдатели (в том числе немецкие) кисло разглядывали приземляющихся десантников, с ходу вступающих в учебный бой. К концу тридцатых годов десантные войска, так же как и диверсионные соединения, были отодвинуты на второй план. Не вижу в том ничего удивительного. Красная Армия в первую очередь нуждалась в новых танках, самолетах, артиллерии. Все это я узнал позже, а тогда с интересом воспринимал новую военную жизнь.

Первый месяц учебная рота, состоявшая из 240 курсантов, занималась общевойсковой подготовкой. Очень много бегали и совершали марш-броски с полной выкладкой на тридцать километров. Бег давался нелегко, особенно городским ребятам, а переходы в валенках, с вещмешками и учебными винтовками буквально выматывали. Происходил отбор тех, кто сможет дальше учиться профессии десантника. В тот первый месяц многие продолжали носить под шинелями свою гражданскую одежду. Полную военную форму б/у выдали, когда окончательно определился состав будущих десантных взводов. Из нашей роты, по моим прикидкам, отсеялось человек тридцать.

В конце февраля началась десантная учеба. Тот период вспоминаю с удовольствием. Несмотря на сложное военное положение, нас неплохо одели и нормально кормили. Самым долгим казался период от завтрака до обеда, с семи тридцати утра до часа дня. В придачу к каше и хлебу давали граммов по десять-двадцать сливочного масла и ставили алюминиевые миски с крупно нарезанной каспийской селедкой. На обед ели щи, перловку или пшенку с редкими кусочками мяса, зато получали по ломтику сала. Татары с верхней Волги сало вначале не ели, их порции доставались нам: русским, украинцам, белорусам. Но вскоре и они привыкли к салу – голод не тетка.

Поднимали нас в шесть часов утра. В первой половине дня проводились занятия на полигоне, стрельбище, спортив-

ной площадке. Изучали не только трехлинейки и самозарядки Токарева, но и автоматы, в том числе немецкие и чешские. Стрельбы проводились вначале из трехлинейной винтовки Мосина по два-три раза в месяц, затем количество боевых занятий увеличили. Начали стрелять из автомата ППШ и наганов, вещь совершенно немыслимая для обычных учебных подразделений. Мы же относились к частям особого назначения, чем очень гордились.

Если из винтовки и автомата я выбивал нормативы на «хорошо», то наган долго не мог освоить. Дело в том, что в обращении с этим простым оружием требуется двойное усилие. Когда нажимаешь на спусковой крючок, сначала взводится курок и лишь затем производится выстрел. От такого напряжения рука дрожала, пули уходили за мишень. Мы хитрили и пытались взвести курок перед выстрелом. Инструктор, ругаясь, заставлял нас осторожно спустить курок и целиться заново.

– Вы и в бой пойдете со взведенным оружием?

Учили крепко, речи не могло быть о том, что кто-то может не сдать нормативы. Бесконечно повторяли упражнения, пока отстающие не подтягивались до нужного уровня. А мне наш взводный лейтенант Рогожин выговаривал особо:

– Мальков, ведь ты в техникуме учился, тебе «тройки» не к лицу.

– При чем тут техникум? У нас с десятилеткой люди есть, и то отстают.

Лейтенант по характеру добродушный, хотя и кричал, поэтому мы позволяли себе бурчать. Зато инструкторы по парашютной подготовке, некоторые в сержантских званиях, с нами не церемонились. Все занятия проводились обычно повзводно, укладка парашютов длилась целый день и проводилась строго по этапам.

Не знаю, откуда при вечной нашей нехватке взяли столько парашютов, но у каждого курсанта в роте имелся свой индивидуальный парашют. Если что-то сложил не так, то в случае чрезвычайного происшествия вини лишь себя. Понятие «чрезвычайное происшествие» обычно означало смерть, иного исхода вследствие неудачного прыжка с самолета не жди. Случались, конечно, и травмы (переломы ног), но о них обычно не говорили.

Ни одного прыжка с самолета за время учебы я так и не сделал, хотя имел неплохую теоретическую подготовку. Вишел положенное количество часов на тренажере, где нас учили управлять собственным телом, прыгнул раза два с вышки. В отношении прыжков с самолета, большинство курсантов не рвались пройти этот экзамен. Дело в том, что, обучая правильно складывать парашют, инструкторы приводили примеры, когда из-за невнимательности гибли люди. В некоторых случаях причиной трагедии становилась растерянность при сильном ветре или нераскрытие парашюта из-за резкой смены температуры. Например, когда стропы пропитывались влагой, а потом замерзали. Такие примеры не

выходили из головы, и некоторые ребята со страхом ждали, когда нас повезут на аэродром.

В тот период я часто получал письма из дома. Вначале радовался, затем мама сообщила о гибели старшего брата Степана, и пошло-поехало. Что ни письмо, то новое печальное известие. Гибли или пропадали без вести моя родня, друзья, соседи. Я загибал пальцы, подсчитывая, сколько же сгинulo людей. Получалось очень много. Я отчетливо помнил их лица, голоса и не представлял, как они могут исчезнуть за какие-то полгода. Безжалостная война слизывала людей одного за другим. Я уже не торопился за письмами. Открывая их, заглядывал сразу в середину послания, где после многочисленных приветов, сообщалось об очередной смерти. Два письма получил от своего друга Леонида Малькова. По своему простодушию он пытался делиться какими-то печальными мыслями, но все вычеркивала цензура. Я понял, что война оказалась для смелого и сильного парня далеко не тем веселым приключением, которое он ожидал.

Это действовало на нервы, все валилось из рук. Инструктор по парашютной подготовке накричал:

– Мальков, ты почему спишь на ходу? Разве стропы так складывают!

Я бестолково глядел на него, брал себя в руки. Земляк из города Михайловки, Гриша Черных, чем-то похожий на Леонида Малькова, как-то пожаловался, что долго нет пи-

сем от отца, которого призвали осенью. От плохих мыслей отвлекала учеба, свободного времени не оставалось, а после отбоя сразу засыпали.

Положение на фронтах оставалось сложным, самолетов не хватало, прыжки откладывали. Зато остальная подготовка велась на высоком уровне. В какой-то период решался вопрос о передаче нашего полка в НКВД, ведомство очень сильное и хорошо обеспеченное материально. По этой или другой причине в ротах увеличилось число автоматов ППШ и ППД, появились также английские пулеметы «брен» с магазином наверху и запасными стволами. Запомнились очень непривычные лекции по тактической подготовке, где анализировались неудачи при проведении десантных операций во время зимней войны в Финляндии и в начале Отечественной войны. С нами говорили по делу, без всяких лозунгов и призывов. Осмелев, мы задавали вопросы, на которые получали конкретные ответы.

– Правда, что у финнов много снайперов?

– Правда. Кроме того, у них хорошая лыжная и стрелковая подготовка.

– Их снайперы на деревьях сидели?

– Нет. Засады на деревьях только в кино. Сложно и неудобно. Они делали свои дела на земле, из засад с наскока. Однако финнам это не помогло.

Спрашивали о причинах больших успехов немцев. Назывались внезапность нападения и халатность некоторых ко-

мандиров в западных военных округах. Более осторожно сообщали о недостаточной боевой подготовке и требовали от нас полной отдачи. Откровенный разговор производил впечатление.

Однажды случился голодный период. Долго не наступала весна, в апреле лежало еще много снега. Кормежка стала до того скудной, что стало тяжело добираться пять километров до полигона, а там тоже не отсидишься, надо бегать, отрабатывать тактические приемы. После жидкой каши на завтрак все мысли вертелись вокруг будущего обеда. А что обед? Миска супа с лохмотьями капусты и две ложки пшенки, которую буквально вылизывали со дна миски.

Во время голодухи происходили неприятные вещи. Кто-то из курсантов повадился в фуражный склад и таскал из лошадиного рациона овес. Овсянка на воде. Может, кто будет нос воротить, а мы ели с удовольствием. Кухонные наряды сокращали до минимума, так как стало невозможно уследить за голодными парнями. Пока чистили картошку, грызли ее сырой или варили тайком на маленьких кострах.

Однажды я упал на занятиях в снег и не мог подняться. Иван Терентьевич Рогожин, будущий командир роты, приказал отвести меня в санчасть. Он сам доходил, осунулся, глаза глубоко ушли под лоб. Все знали, где можно раздобыть ворованные продукты за деньги, но откуда у нас деньги? В то же время не бедствовали большие командиры. Однажды я

стал свидетелем такого случая. Пришел с запиской к начальнику курса, а женщина из obsługi принесла ему тарелочку с белыми сухариками и чай. Ну, чего тут такого? Подумаешь, чай с сухарями, а у меня слюна, как у голодного пса, потекла. Чай горячий, сладкий, а сухарики надо не грызть, а лишь шевелить во рту, продлевая вкус пищи. Наверное, подполковник прочитал мои голодные мысли. Делиться с курсантами? Глупо. Он поморщился и сказал женщине:

– Спасибо, но не надо было приносить. Мы же недавно обедали.

Женщина, тоже не голодная, с розовым лицом, всплеснула руками:

– Два часа прошло с обеда. И чего вы там ели? Суп да две котлетки.

Меня эти две котлетки чуть не доби́ли. В каше попадались темные волокна, может, от мяса, а может, остатки рогожи, мы сметали, не разбирая вкуса. Справедливости ради скажу, что голодный период длился недолго. Курсанты начали возмущаться, порядок навели, кормить стали лучше. Кстати, лейтенант Рогожин именно в голодное время, разделив с нами тяготы, заслужил среди курсантов уважение.

Ближе к концу занятий создали три группы по десять курсантов для учебы, максимально приближенной к боевой обстановке. В одну из групп попал я. В лесу мы кочевали с места на место, проводили учебные взрывы объектов, игра-

ли по очереди роль часовых и диверсантов. Оружие было боевое, имелось по пять патронов. Нашей задачей являлось также научиться уходить от преследования. В первый раз мы благополучно просочились через цепь красноармейцев и милиционеров, которые пытались нас поймать, а во второй раз в руки преследователей попал Гриша Черных.

Все было настолько приближено к реальной обстановке, что Гриша едва не начал стрельбу и оказал отчаянное сопротивление. Его избили, связали и допрашивали прямо на месте. По результатам учений я получил звание младший сержант. Над Гришей посмеивались, хотя парень он был подготовленный и попался в руки условного неприятеля случайно. После ночевки в холодном лесу долго мучила боль в суставах, один из ребят застудил почки. Тренировка получилась настоящей, мы чувствовали свою силу. Такие занятия собирались проводить и с другими курсантами, но война внесла свои коррективы. Учебу резко свернули.

В мае сорок второго года Красная Армия потерпела тяжелое поражение в Харьковской операции, которое обернулось мощным немецким рывком на юге страны. Эти события коснулись непосредственно меня. На базе учебного полка сформировали отдельный батальон, куда я попал в качестве командира отделения. Батальон являлся хорошо подготовленным и неплохо вооруженным подразделением, весь личный состав был обут в сапоги. Красная Армия весны и лета сорок второго года носила ботинки с обмотками, не слишком

практичная и удобная обувь. Даже младшие лейтенанты в пехотных полках, которых мы видели по дороге на фронт, щеголяли в зеленых обмотках.

Нашей третьей ротой командовал старший лейтенант Рогожин Иван Терентьевич, имевший опыт польского похода тридцать девятого года. Взводным назначили лейтенанта Кравченко, он окончил полный курс военного училища, воевал под Смоленском и Москвой, затем учился на десантного командира.

Я тоже считал себя подготовленным десантником, и на это имелись основания. За пять месяцев учебы в Яблоневом Овраге окреп физически, научился владеть оружием. На стрельбище выпустил из винтовки, автомата ППШ и нагана сотни две пуль по мишеням. Такую подготовку имели очень немногие бойцы и сержанты пехотных частей.

Мы даже освоили броски боевых гранат РГД-33, что являлось редкостью. В обычных учебных подразделениях командование очень неохотно разрешало учебу с применением гранат, опасаясь несчастных случаев. Бойцы, попадая на фронт, боялись сложных в обращении РГД-33, основной «карманной артиллерии». Все, что положено, я усвоил, был хорошо экипирован, имел в качестве личного оружия легкий карабин (с сильной отдачей) и шагал к фронту с уверенностью в себе. А идти нам пришлось шесть суток от Борисоглебска до речки Чир. Кстати, немцы именовали 62-ю армию, куда мы вошли, сибирской. Ей предстоял долгий путь

до Берлина.

После боя в степной балке шли всю ночь. Умерли двое раненых, в том числе боец с переломанной ногой. Еще два человека дезертировали или отстали, точно никто не знал.

В наших краях дожди в июле большая редкость. Если июнь еще более-менее прохладный, то к середине лета погода на огромной территории от Саратова до Астрахани стоит жаркая, дует юго-восточный ветер, а в небе видны редкие облака. Хорошее время для многочисленной немецкой авиации, танков,двигающихся на восток.

Эта гонка осталась в памяти. Плен казался страшнее смерти, хотя от усталости подкатывало полное равнодушие. Выбрасывали шинельные скатки, которые раздирали кожу на лице и шее. Потихоньку избавлялись от гранат и патронов, оставляли всего шесть обойм в подсумках. Раненых тащили, меняясь через четверть часа. Когда в очередной раз ломались носилки, порой валились сразу четверо носильщиков.

Июльская жара в безводной степи – явление особое. Это не совсем то, что представляют многие люди. Солнце безжалостно печет целый день, некуда скрыться от его лучей, и все с нетерпением ждут вечера. Но даже когда солнце склоняется над горизонтом, температура практически не спадает. Слишком нагрелись за долгий день земля, воздух, каждая частица. Лишь к полуночи начинается прохлада, а через

час после рассвета снова висит многочасовой зной. Такого пекла не выдерживают ни люди, ни лошади. Люди оказываются выносливее. Если лошади бессильно ложатся у дороги, то люди продолжают шагать, совершенно одуревшие, мало что соображая, желая лишь одного – пусть скорее закончится пытка.

Несмотря на жару, очень хотелось есть. Мы срывали на ходу недозревшие колосья, жевали зерно молочно-восковой спелости (запомнились слова из школьного урока ботаники), искололи рот колючими остяками, но хоть чем-то заполнили желудок. Затем набрали колосьев и варили по приказу Рогожина в котелках. Полусырые зерна выуживали ложками, это напоминало подобие каши. Можно сказать, наелись.

Пшеничные поля укрывали нас, но они же становились смертельной ловушкой. Однажды мы едва сумели выбраться из гигантского костра. Бежали, задыхаясь от желтого дыма, стоило глотнуть воздуха, как горло перехватывало. Подгонять никого не приходилось, особенно когда стали свидетелями страшной картины.

Прямо на нас выскочили несколько красноармейцев. Человек пять пробежали мимо, один свалился. У него сгорели, вплавились в ноги штаны, он шел по кругу, вытянув перед собой руки, наверное, ослеп. Рогожин приказал дяде Захару осмотреть его. Фельдшер доложил, что человек получил смертельные ожоги и помочь ему нельзя. Все напряженно ждали, какое решение примет командир роты. Тащить чу-

жого бойца мы были просто не в состоянии, но и оставлять брошенного своими товарищами человека Рогожин не хотел. Это могло сказаться на дисциплине, которая пока поддерживалась крепко. Он велел двум рослым десантникам из второго взвода вести обожженного под руки.

Куда он потом делся, не знаю. Скорее всего, его потихоньку оставили, чтобы не замедлять марш и дать возможность обреченному бедолаге умереть спокойно. Но в момент наибольшего напряжения Рогожин повел себя правильно. Все поняли, что и нас не бросят в тяжелый момент.

В другой раз сидели на холме под деревьями. Рогожин дал нам возможность отдохнуть в тени, и я хорошо разглядел, как люди, одетые в военную форму, поджигали хлеб. Делалось это таким образом.

Исполнители на двух повозках определили направление ветра, наломали пучки колосьев и подожгли. Вначале поле не загоралось, ручейки огня расползались неохотно. Вскоре пламя, чувствуя хорошую пищу, очень быстро набрало силу. Ветер, верный друг огня, раздувал его. Пламя несло с огромной скоростью. За несколько секунд вспыхнул участок с гектар, раздался утробный рев огня. Высоко в небо взмыли скрученные, как спираль, языки, а густой желтый дым приобретал диковинные формы: грибовидные, двойные и тройные облака, дымовые кольца, словно баранки.

Жуткое зрелище завораживало. Пламя, выходя из повиновения, совершало огромные прыжки, легко перескакивая

с одного поля на другое. Дороги и вытоптаные обочины не являлись помехой. В одном месте, вопреки физическим законам, пламя понеслось в противоположном от ветра направлении.

– О, бля! – матерились творцы огня, едва успев отскочить.

– Люди с голода подыхать будут, – сказал ефрейтор Борисюк. – Все подряд сжигают.

– Лучше, если фрицам достанется?

Спорить дальше не стали. Кое-как поднялись и зашагали. Трое тяжело раненных стали для нас неподъемным грузом. Разжимались пальцы, а раненые страдали от боли и толчков. Из-за этого переругались Рогожин и политрук Елесин. Старший лейтенант ставил своей целью спасти роту, а Юрий Матвеевич Елесин считал, что, оставляя раненых, мы делаем шаг к развалу дисциплины, превращаемся в толпу убегающих людей. Все же нашли решение. Когда сломались очередные носилки, а мы едва плелись, наткнулись на большой обоз. После спора из нескольких повозок выбросили груз, вычерпали котелками пшенку из разорванных мешков и погрузили наших раненых. Какое-то время двигались вместе, жевали пшенную крупу, затем обоз ушел южнее, а мы добрались до хутора Верхняя Бузиновка.

Здесь, примерно в сорока километрах от Дона и ста километрах от Сталинграда, организовали узел обороны. То, что мы нашли остатки своего отдельного батальона, не стало случайностью. Рогожин знал место сосредоточения, поэтому

не пошел вместе с обозом, а развернул нас в другую сторону. Встреча с батальоном стала первым радостным событием за последние дни. Название хутора, попавшего на топографические карты верховных штабов, мало что говорит. Поэтому я уточню, что он находится в тридцати километрах южнее райцентра Клетский, где снимался знаменитый фильм Сергея Бондарчука «Они сражались за Родину».

Батальон переподчинили другой дивизии, впрочем, нам было безразлично, кто нами командует. Главное, всех накормили кашей с бараниной, мы напились чистой холодной воды из колодца и часов десять поспали. Западнее хутора заняли оборону. Рядом с нами окапывались бойцы из 40-й, 166-й танковых бригад, курсанты военного училища из Орджоникидзе, сводные роты, сформированные из разных подразделений. Над бойцами из танковой бригады зубоскалили:

– Где ваши «тридцатьчетверки»? Потеряли, пока драпали?

– На себя гляньте. Чего лопаты гнутые?

Действительно, саперные лопатки не выдерживали даже часа работы, гнулись, ломались пополам. Почва на высотах оказалась тверже, чем на прежних позициях. Известняк, мелкие камни и огромные глыбы. Пешим танкистам подвезли кирки, ломы, штыковые лопаты. Долбили они окопы быстрее, чем мы. На просьбу поделиться инструментом ответили отказом, пообещав дать позже. Несмотря на эти ме-

лочи, чувствовали мы себя неплохо. Все люди были заняты делом, бесцельно не слонялись, времени для пустых разговоров не оставалось.

Линию обороны укрепляли основательно. В землю закапывали пушки разных калибров, это уже не напоминало прерывистую цепочку разрозненных воинских частей возле Чира. Окутанные облаком белесой известняковой пыли, подошли штук двенадцать танков: «тридцатьчетверки» и легкие Т-60 необычной конфигурации, с башнями, смещенными влево, и тонкими автоматическими пушками. Танки постояли возле нас, затем куда-то укатили. Я бы мог сказать, навстречу врагу, но мы толком не знали, откуда он появится.

Получив наконец от хозяйственников батальона нормальные лопаты и кирки, долбили норы в известняке. Рота сократилась до двух взводов, не хватало командиров и бойцов. Питание толком не наладили, вместо обеда и ужина выдали селедку с хлебом, после которой я выпил литра полтора воды. На закате выползли на траву, размышляя, что будет завтра. На должности помкомвзвода я пробыл недолго, в Бузиновке снова стал командиром отделения. В помощники лейтенанту Кравченко дали сержанта поопытнее.

Своим понижением я остался доволен, так как взвод казался слишком большой единицей, а отделение за эти дни стало родным. Земляк Гриша Черных, бронбойщик Ермаков с помощником Ваней Погодой, ефрейтор Борисюк, другие ребята. Получилось так, что к нам присоединился фельд-

шер Захар Леонтьевич. Разговор вели старики: дядя Захар и Борисюк. Ефрейтор жаловался на отсутствие шинели, которую в спешке выбросил, а спать в одной гимнастерке холодно. Фельдшер, в свою очередь, рассказал, как служил в тридцатых годах в Средней Азии, там было очень тепло, и кормили рисом. Потом Борисюк чесал спину и предположил, что надорвал поясницу. Ермакову надоели пустые разговоры, и он невежливо перебил стариков:

– Бронбойное ружье в степи – хренота. Таскать тяжело, а танк к себе близко не подпустит, разнесет из пушки за полкилометра.

Другие заспорили. Тогда он предложил поменяться с ним местами и завтра утром караулить с ПТР вражеские танки. С противотанковыми ружьями дела никто не имел, меняться с Ермаковым не пожелали. Разговор показался мне еще более пустым. На правах командира я заявил, что здесь достаточно артиллерии, а бояться нам следует немецких самолетов. Возражать никто не стал, выкурили еще по сигарке. Вяло перебрасываясь отдельными фразами, рассматривали ночное небо.

Свежий ветерок приносил знакомый с детства запах полыни, мерцали крупные звезды. Светящаяся полоса Млечного Пути (у нас его иногда называли Бахмутский шлях) перекинулась полукружьем через весь небосвод. Северный край горизонта внезапно замигал далекими вспышками, так бывает при грозе. Я ощутил головой и плечами слабые толчки, од-

нако не доносилось ни звука. В толчках угадывалась смертельная мощь падающих где-то бомб или тяжелых снарядов. Бродившие потоки воздуха переламывали и доносили до нас отблески пожара. Что может гореть в степи? Пшеничные поля, хуторские дома, скопление военной техники?

– Вот, гады, такой вечер испортили! – возмутился Ермаков. – Так и поспать не удастся.

– Отсюда далеко, – определил расстояние бывалый фельдшер Захар Леонтьевич. – Километров сорок или пятьдесят.

– До Клетской тридцать, – подал голос и я.

На вспышки обратили внимание командиры. Политрук Елесин и взводный Кравченко прошли мимо, постояли, прислушиваясь. Затем позвали меня.

– Мальков, посты проверяешь?

– Конечно. Полчаса назад обошел.

– Завтра воевать придется. Как настроение у ребят?

Я не стал кривить душой и сказал, что настроение так себе. Ничего хорошего. Все видели вспышки на горизонте, наверное, немцы готовят очередной прорыв.

– Ты не кисни, – строго сказал политрук. – Здесь фрицы точно нарвутся на встречный удар. Техники много сосредоточено.

– Что-то наших самолетов не видно.

Командиры невесело посмеялись, что слишком быстро удираем и самолеты за нами не поспевают. Угостили меня хорошими папиросами «Эпоха», ободрили и ушли к се-

бе. По-прежнему висела тишина, и мерцали непонятные вспышки. Земля слегка вздрагивала, мы потихоньку заснули. Лишь негромко переговаривались часовые.

Рано утром прилетели три «Юнкерса-87», бомбили хутор. В разные стороны неслись повозки, убегали люди. Эвакуировали штабы, тащили на руках ящики. Маленькая черная автомашина «эмка» сумела отъехать метров сто и скрылась в гигантском облаке взметнувшейся земли. От нее остался лишь исковерканный двигатель, остальное исчезло. Дома, сделанные из самана (необожженного кирпича), разлетались от прямых попаданий на мелкие куски. Загорались камышовые и деревянные крыши. Огонь желтым языком ввинчивался в небо, толкая перед собой дым. Мы стояли в окопах, наблюдая, как гибнет хутор. На смену трем пикирующим бомбардировщикам прилетели еще два. Я машинально отметил, что третий самолет, наверное, сбили, так как «Юнкерсы» чаще летали тройками.

– Глянь, вдвоем, сволочи, прилетели, – поделился своими мыслями с сержантом Ермаковым. – Третий, наверное, накрылся.

– С нас и двух хватит, – ответил бронейщик.

Бездействие раздражало. Я приказал развернуть противотанковое ружье, и мы раза четыре пальнули по самолетам. Глядя на нас, открыли огонь пулеметчики. «Юнкерсы» набрали высоту и улетели – наверное, у них закончились бом-

бы, да и рисковать лишний раз они не хотели.

Из каменного здания школы выносили раненых. Думаю, не от хорошей жизни санбат разместили в хуторе. Что касается штабов, то больших командиров подвела тяга к относительно комфорту. Удобнее разрабатывать планы сражений в прохладных домах, чем в голой степи. Возможно, на этом участке не ожидали такого быстрого прорыва со стороны немцев. Фронт в то время было невозможно обозначить какой-то линией. В одном месте вражеские ударные части проламывались вперед, в другом получали отпор или поджидали после очередного броска, когда подтянутся основные силы.

Авиации, чтобы бомбить все полосы обороны, у фрицев не хватало, поэтому наши окопы пока не трогали, видимо, решили оставить обороняющихся без управления. В какой-то степени это удалось. Хлынули прочь многочисленные обозы, причем беспорядок оказался полнейшим. На военных бричках увозили не только барахло, но и боеприпасы, которые бы очень намгодились. Особое возмущение вызвал спешный вывоз нескольких тяжелых гаубиц, каждую тащили шесть лошадей. Неужели мощные орудия созданы для того, чтобы таскать их с места на место? Возможно, для них не оставалось снарядов, а скорее всего, пушкари боялись, что не смогут выскочить со своими гаубицами из очередного окружения. Полевая артиллерия оставалась в своих окопах и приняла на себя удар немецких танков.

Им не удалось прорваться с такой легкостью, как это случилось на моих глазах у речки Чир. Два подбитых танка остановились на расстоянии метров шестисот от нас. Они не горели, просто стояли, один вел огонь с места. Остальные танки разворачивались и уходили в сторону. Все происходило очень быстро, как на шашечной доске. Ход вперед, разворот, и вот машины, поднимая пыль, куда-то неслись, уменьшаясь до размеров спичечного коробка. Зловещая рокировка завораживала. Пологий курган, на котором находились окопы, вряд ли станет препятствием для танков. Коробочки с крестами исчезли, а лейтенант Кравченко крикнул мне:

– Держи отделение! Сейчас пойдут.

Окопы располагались с интервалом пять-шесть метров, иногда ближе. Некоторые бойцы еще вчера соединили ячейки узкими ходами сообщения глубиной по колено. Устав предписывал рыть одиночные стрелковые ячейки, а нас учили чаще менять позиции. Чтобы устранить это противоречие, копали ходы сообщения. Из-за твердого известнякового грунта на высотах часть бойцов рыли двойные ячейки. Призыв держать отделение я воспринял как большое доверие и побежал вдоль окопов, крича бойцам невразумительное:

– Десантники... быть готовым к отражению атаки! За...

Наверное, хотел сообщить что-то еще умное и нужное, но мою бестолковую беготню прервал короткий треск. Снаряд взорвался, едва коснувшись почвы. Я не слышал оружейного выстрела и шелеста летящего снаряда. Просто столб извест-

някавого крошева, толчок сжатого воздуха – и мгновенная острая боль в правой руке. Затем увидел танк, стрелявший в нашу сторону. Меня втащил, вернее, сбросил в свой двойной окоп бронбойщик Ермаков. Втроем в нем было не развернуться, зато Ермаков вместе с Ваней Погодой быстро перевязали руку. От вида крови замутило, а сама рана показалась безобразной, словно проткнули штырем. Из выходного отверстия толчками выдавливалась кровь, она проступала сквозь бинт, но разглядывать руку уже не оставалось времени.

Танки двигались сразу с двух сторон. С правого фланга вдоль линии окопов и напрямиком в лоб. Хлопали наши и танковые пушки, вели огонь из пулеметов и винтовок. Я рвался куда-то снова бежать, командовать, меня удерживал Ермаков.

– Сиди здесь, глянь, что творится.

Творилось следующее. Три танка на правом фланге с маху раздавили пушку, они бегло стреляли и накрывали гусеницами окоп за окопом. В разные стороны разбегались люди, некоторые падали. Но ведь такое я уже видел возле Чира, когда немцы раздавили и разогнали пехотные роты. Неужели события повторяются?

– Почему не стреляешь? – крикнул я Ермакову.

Бронбойщик медлил, затем растерянно проговорил:

– Далеко, не возьмешь.

Танки, двигавшиеся вдоль линии окопов, остановила ар-

тиллерия. Возможно, снаряды повредили машины, и они отошли. Зато прямо на наши ячейки неслись два угловатых танка с короткоствольными орудиями и непрерывно стреляли. Позади нас хлопали такие же короткоствольные полковые пушки. Снаряды летели над окопами. Один танк подбили, второй взбирался по склону, следом двигались бронетранспортеры и пехота. Танк подорвался на mine, запутался в собственной гусенице, но продолжал стрелять из пушки и пулеметов. Огонь велся с большой интенсивностью, страшно было высунуться. Все же я поднялся и увидел, что оба полковых орудия на деревянных колесах молчат.

Ермаков и Погода сидели съезжившись. Стало еще страшнее, продолжали движение бронетранспортеры, перебежками приближалась пехота, а недобитый танк огрызался в нашу сторону огнем, как по мишеням на полигоне. От большого отчаяния я схватил ПТРД (противотанковое ружье Дегтярева) и выстрелил. Отдача едва не вышибла его из рук, куда улетела пуля, не знаю. Мое вмешательство отрезвило Ермакова, он отпихнул меня и открыл огонь. Рыжий помощник подавал патроны.

Мы не смогли пробить лобовую броню Т-3 с двухсот метров, но усилилась стрельба других противотанковых ружей. Кто-то угодил в борт, машина задымила. Из люков выскакивал экипаж. Остановились бронетранспортеры, немецкая пехота залегла. Я передергивал затвор карабина и выпускал пулю за пулей, забыв о раненой руке. Ожила одна из пушек

позади нас и подбила бронетранспортер. У немцев оставалось два выхода: или немедленно продолжать атаку, или отступать. Сверху мы хорошо видели лежавших, пули находили цель. Бронетранспортеры, взяв подбитую машину на буксир, пятились задним ходом.

Ермаков, потный от жары и напряжения, стрелял, выкрикивая каждый раз: «Есть!» Самое главное, мы преодолели растерянность и страх перед немецкой броней. А что еще оставалось делать? Тогда еще не вышел знаменитый приказ «Ни шагу назад!», однако всех предупредили: за отступление будут расстреливать без суда. Немецкая пехота отходила организованно, но поторапливалась.

Хорошее прикрытие фрицам обеспечивали пулеметчики. Они отступали последними, сбивая нам прицел непрерывным огнем. Новые ленты заряжали быстро, на ходу, но, когда один из расчетов взялся менять раскаленный ствол, его взяли в оборот. Первый номер, получив ранение, куда-то уполз, второй заметался и, угодив под пули, остался лежать возле разбросанных деталей пулемета.

Я опустошил подсумок и брал патроны из запасов Вани Погоды. Вид отступающего врага действовал опьяняюще. Это не стрельба из засады по грузовикам немецких связистов. Мы столкнулись со штурмовым отрядом и одержали победу. Сколько уничтожили фрицев – неизвестно. Большинство убитых они успевали забрасывать в коробки бронетранспортеров, несколько тел лежали на траве. Танк, поды-

мив, застыл у подножия высоты.

Позже спустились глянуть на него. Обошли вокруг,ковырнули вмятины на броне. Пули наших ПТР оставляли ямки глубиной сантиметр. Пришли командиры, приказали нам шагать на место и тоже осмотрели танк. Боль в руке усилилась. Кравченко и Захар Леонтьевич осмотрели рану.

– Ты как себя чувствуешь? – спросил лейтенант.

Ему ответил дядя Захар:

– Хреново он себя чувствует. Вон, испариной весь покрылся, надо в санчасть.

Вместе с другими ранеными меня отправили в дивизионный санбат. Брел, держась за телегу, губы пересохли, тело сотрясала дрожь. Возбуждение уступило место слабости. Ездовой, оглядев меня, произнес:

– Скапустился парень. Ну-ка лезь на повозку.

Я взобрался и лег на солому. На колдобинах сильно трясло, боль отдавалась во всем теле, шевелиться не хотелось. Лежал, не в состоянии сглотнуть, горло пересохло. Попросил воды, никто не ответил, тогда я закрыл глаза. Стало еще хуже, в мозгу плясали вспышки, подступала тошнота. Земля переворачивалась вверх ногами, а небо уползало вниз.

– Ну, дайте хоть глоток! – канючил я.

Раненые плелись, не обращая на меня внимания, о чем-то тихо переговариваясь. В голосах слышалось облегчение. Наконец появилась возможность уйти подальше от смерти, от бесполезного, по их мнению, барахтанья. Почему-то все

раненные были старыми по возрасту, а может, мне только казалось.

– Чего вы все такие?

Никто не понял моего вопроса, но обратили наконец внимание.

– Покурить хочешь?

Курить я не хотел. Вообще ничего не хотелось. Мною овладевала апатия, которой я вскоре подчинился. Сколько раз меня могли убить и когда кончатся эти бесконечные дни?

Глава 3

Дон, правый берег

Земля, присыпанная соломой, повозка с выпряженной лошадыю и тела на ней. В небольшое углубление натекла лужица крови, а сквозь щели в днище тянулась клейкая вишневая нить с тяжелой каплей внизу. Я скосил глаз на лужицу. От вида крови стало не по себе, и я, шатаясь, побрел прочь. Часа через два подошла очередь к хирургу.

Кожу разрезали с капустным хрустом и принялись чистить рану. За ноги меня держал санитар с круглым рябым лицом и моргающими глазами. Казалось, он подмигивает, чтобы подбодрить, и я прошептал, мол, вытерплю. Санитар задвигал челюстью, выталкивая языком застрявшую в зубах крошку, в его глазах не отражалось и тени сочувствия. Наверное, он просто отупел и привык к чужим страданиям. Вряд ли он вообще принимал меня за человека, просто исполнял положенную работу. Так же равнодушно, размышляя о своем, он бы отволлок мертвое тело и притащил следующего окровавленного человека. Сколько же вас! Не даете даже как следует переварить съеденный обед. Сдерживая крик, я извивался от сильной боли. Хотелось выдернуть на свободу ноги, но санитар держал их как клещами, схватив за лодыжки.

– Отпусти меня, слышишь!

Ковыряться в ране наконец перестали, сделали перевязку и отпустили. В хирургическую палатку уже тащили человека, замотанного бинтами от пояса до подбородка. Ноги принесли опять к повозке, возле которой я очнулся. Тела из нее исчезли, вокруг сидели и лежали раненые. С удивлением заметил мальчика и девочку лет двенадцати. Мальчишка желтый, костлявый, с перебинтованной рукой, курил самокрутку. Оказалось, они брат с сестрой, беженцы из Воронежа. Красноармеец лет тридцати слушал рассказ сестры, кивал головой и вырезал ножом узоры на ивовой палке. Принесли молоко и хлеб. Кружек не хватало, пили по очереди. Хлеб я отдал девочке. Поблагодарив, она положила его в сумку. Вскоре за детьми пришла мать и увела обоих.

– Ну и жизнь. Детей убивают, – поделился невеселыми мыслями красноармеец, вырезавший узоры на палке.

Потек вялый разговор уставших от боли и жары людей. Ситуацию на фронте не обсуждали, ничего хорошего. Говорили о беженцах, которыми забиты дороги, жалели детей. Жаловались на неразбериху, несли всякую чушь, вроде того, что теперь нам одна дорога – расходиться по домам. Я не согласился и сообщил, что организована сильная оборона, мы подбили три танка и заставили фрицев отступить.

– Мы – это кто? – ехидно поинтересовался красноармеец с палкой.

– Отдельный батальон десанта... ну, и другие части.

– Тогда ясно.

Скептически оглядел мои сержантские треугольники, добротные сапоги и нож на поясе. Остальные в ботинках с обмотками и без них. Кто-то сматывал обмотки в рулончик и прятал в противогазную сумку. Интерес ко мне потеряли и продолжили разговор без моего участия. В их глазах я выглядел придурком, нацепившим нож и болтавшим небывлицы о подбитых немецких танках. Почти все красноармейцы, попавшие в санчасть, в глаза не видели вражеских солдат. Они получили ранения во время бомбежки и артиллерийского обстрела. Невозможность драться с врагом разлагала людей не меньше, чем неудачное отступление.

Ко мне подсел младший лейтенант-танкист с обожженным лицом и повязкой через правый глаз, как у пирата. Закурили. Оказывается, младший лейтенант из 40-й танковой бригады воевал рядом с нами. Посмеиваясь неизвестно чему, он рассказывал страшные вещи. Из двадцати машин его батальона вскоре осталось четыре. Немцы применяли бронепрожигающие (кумулятивные) снаряды, от которых танк сторал со всем экипажем.

– Представляешь, «тридцатьчетверка» стоит целехонькая. Открываем люк, а внутри все испеклось.

Младшему лейтенанту везло. Сумел выбраться из вспыхнувшего танка, даже вытащить товарища, но по дороге в санчасть угодил под обстрел. На этом везение кончилось. Товарища убили, младший лейтенант сломал ступню, а мелкий

осколок попал в глаз.

– Глянь, что там у меня? – спросил он, поднимая повязку.

– Глаз красный. Не лезь туда грязными руками, заразу занесешь.

– Не буду, – пообещал танкист и пошевелил распухшей ступней в лубке.

Сапог стоял рядом, накрытый танкошлемом. Младший лейтенант оказался неунывающим и веселым товарищем. Мы переночевали под одной шинелью. Утром получили молоко, но уже без хлеба. Красноармеец с палкой и еще несколько бойцов ушли в неизвестном направлении, а мы с танкистом отправились к врачам. Младшему лейтенанту выдали направление в глазную больницу. Медсестра в косынке осмотрела мою руку, помяла пальцы.

– Ой, да не отвлекайте вы доктора. Идите, отдыхайте.

У нее оказался мягкий украинский говорок, к которому я привык на родине. Хохлов в наших краях живет много. Я пошел провожать танкиста, он ловил попутку до Сталинграда. Полдня просидели с ним на выезде из балки, докурили махорку. Прощаясь, он обнял меня и пригласил после войны в город Минск. Я отмахнулся – не доживем до конца войны.

– Брось, Василий, не кисни.

– Тебе хорошо рассуждать. В тыл отправляешься, пока ногу залечат, пока глаз...

– Хорошо, – согласился белорус. – Но тосковать не надо, ихние танки тоже горят. Мы еще повоюем.

Проводив младшего лейтенанта, почувствовал себя одиноким. Тут еще начали проверять раненых в поисках симулянтов и самострелов. Началась суета, кто-то спешно уходил в глубину балки, некоторые оправдывались и даже пытались развязать бинты.

– Ладно, и так все видно. Отходи в сторону и отдыхай, – говорили им.

Когда меня опрашивали во второй раз, я не выдержал и послал проверяющих куда подальше.

– Ты не больно-то кипятишься, сержант, – посоветовали мне. – Здесь вы все храбрые, а в окопы никто не рвется.

Проболтался еще сутки и отправился в батальон, никто меня не удерживал. К врачам все равно не пробиться, чувствовал я себя неплохо. Надоела неопределенность, унылые жалобы раненых и ожидание худшего. Вот-вот появятся чужие танки, куда бежать из лесной балки? Разбомбят к чертовой бабушке.

Батальон удерживал прежние позиции. Командир роты Иван Терентьевич Рогожин спросил:

– Ну, что, отдохнул?

– Так точно, оклемался.

– Политрук людей набирает, пойдешь с ним.

Оказывается, из дивизии поступило распоряжение сколотить взвод и направить в распоряжение штаба. Собрали человек тридцать, почистили сапоги и отправились в Бузиновку. Хутор неузнаваемо изменился. Многие дома сгорели, по-

валило плетни, повсюду виднелись воронки. Посреди улицы валялась убитая лошадь, убирать ее не торопились. Подполковник с тремя шпалами в петлицах оглядел строй, похвалил нас за стойкость, выправку и, накручивая самолюбие, объявил, что для нас имеется специальное задание. Слово «специальный» любили в армии во все времена. Мы оживились и готовы были выполнить любое задание. Борисюк мрачно предположил, что нас хотят забросить в немецкий тыл, однако его худшие предположения не сбылись.

С представителем особого отдела направились перекрывать дороги. В степи их много, более или менее наезженных. Запоминать дорогу ни к чему, достаточно лишь знать направление. По всем дорогам на юго-восток двигались люди, военные и гражданские. Пока мы занимались с одной группой, остальная масса обтекала нас и шла через степь, не ускоряя шаг, словно заведенный механизм. Беженцы вели овец, коз, под ногами крутились собаки с высунутыми от жары языками. По обочине целеустремленно шагала женщина, держа одной рукой девочку лет десяти, а другой – тянула на веревке корову с перекинутыми через хребет мешками. Двое мальчишек, ее сыновей, шли следом. Представитель НКВД подолгу вел разговор с командирами, проверял документы, некоторых приказывал отвести в сторону и держать под охраной. Из задержанных запомнился командир в ранге майора, который не смог объяснить, где находится его подразделение. Еще задержали военного, не имевшего ника-

ких документов. Кто-то из наших спросил особиста:

– Может, шпионы?

– Нет, шпионы всегда с документами, – засмеялся тот. –

Но его все равно надо проверить.

Политрук Елесин действовал энергично. В группе людей выбирал командира и отводил на обочину. Быстро расспрашивал, кто он и откуда. Капитаны и лейтенанты выходили из оцепенения, поправляли ремни, застегивали гимнастерки.

– Чего небритый, товарищ капитан? – делал строгое замечание Елесин.

– Негде бриться.

– А бойцы где твои?

– Вон, двенадцать человек.

– Все, что осталось от батальона?

– Сколько есть.

Особист усмехался, глядя на оживленного политрука. Разговаривать с людьми Юрий Матвеевич Елесин умел. В распоряжение капитана политрук выделял несколько лейтенантов, сержантов, группу рядовых бойцов, объявлял их стрелковой ротой и отправлял в хутор. Люди послушно шагали без всякого сопровождения. За день он сформировал не меньше десятка таких рот. В хутор разворачивали также машины и подводы с разным грузом. Чего там только не было! Ящики с патронами, тюки шинелей и белья, продовольствие. Когда проголодались, с машины сняли ящик рыбных консервов и накормили по очереди весь взвод. Разогретая солнцем

рыба в томатном соусе показалась необычайно вкусной.

Затем снова до позднего вечера стояли на дороге. Мелькали разные лица, кто-то спорил, доказывал, не хотел останавливаться. Все же подчинялись, и мы отправляли очередную роту. Десять рот – это целый полк, а завтра включим в оборону столько же. Я считал, мы занимаемся нужным делом. Однако вскоре обстановка резко изменилась, нас снова перебросили в окопы.

Местность, где наш батальон держал оборону, называется Донская гряда. Степь с редкими деревьями, но ее нельзя назвать равниной. Пологие, иногда крутые холмы, между ними речки Лиска, Куртлак, Крепкая, пересыхающие к середине лета. Низины, которые лучше обойти, лесистые балки. Севернее хутора располагается высота 241, огромная по степным меркам гора. Кстати, знаменитый Мамаев курган в Сталинграде всего 102 метра высотой.

Здесь, на Донской гряде, немецкие войска застопорили свой ход, бои продолжались неделю. Я видел, как шли в контратаку «тридцатьчетверки», и невольно вспоминал раненого танкиста из Минска. Рев машин и лязг гусениц заглушали остальные звуки. Танки ушли за горизонт, несколько штук дымили перед нашими позициями, к нам выбрели трое-четверо танкистов, оглушенных и контуженых. Мы напоили их водой, а они рассказывали, что у немцев появилась новая пушка под названием «огненный змей», которая

поражает машины за два километра. Я позже узнал, фрицы использовали против «тридцатьчетверок» 88-миллиметровые зенитные орудия, очень эффективные и весившие восемь тонн. Сам факт, что остановленные на Донской гряде части 6-й армии подтаскивали на передний край такое тяжелое вооружение, говорит о многом. Не желая терять в ближних боях танки, они расстреливали наши Т-34 издалека.

Двадцать шестого июля немцы прорвали оборону и вышли к Дону, глубоко охватив северный фланг 62-й армии. Неделя топтания на месте – огромный срок для того времени. Ведь с двадцать восьмого июня немецкие войска прошли 500 километров, затем приостановились, и последние сто верст до Сталинграда будут идти четыре недели.

Но это вехи истории, а пока наш батальон снова попал в окружение.

Погиб лейтенант Кравченко. Сверху сыпались многочисленные мелкие бомбы, пикировали «Ю-87» с включенными сиренами. Пронзительный вой выворачивал страх наружу, лишал нас способности трезво соображать. Люди вели себя по-разному. Большинство разбежались, некоторые ложились, закрыв головы ладонями, кое-кто стрелял в небо из винтовок, в их бесполезной стрельбе угадывалось отчаяние. Осколки и пули доставались всем: бегущим, лежавшим и смельчакам. Как вел себя я, сказать не могу. Эти минуты начисто стерлись из памяти. Я очнулся среди высокого ко-

выля, мягкие метелки щекотали лицо. Удивительно, но карабин, вещмешок и шинельную скатку я не бросил. Наверное, так и бегал с этим добром.

Три самолета разогнали батальон далеко по степи. После их налета собирались вместе не меньше часа. В сумерках разыскали тело взводного. Разодранная в клочья гимнастерка, открытый рот и вмятая в тело кожаная кобура. Сколько погибло или потерялось людей в степи, никто не знал. Разыскивать и хоронить не оставалось времени. Лейтенанта Кравченко оставили лежать на том месте, где его убила бомба. Он был немногим старше меня, но имя его я не запомнил, обращался всегда по званию, хотя отношения сложились с самого начала дружеские.

В темноте нас кое-как построили, и мы зашагали дальше. Вдалеке вспыхивали ракеты всех цветов, зарницы взрывов сопровождались через какой-то интервал гулом. Я считал время от вспышки до прилетевшего гула, умножал секунды на скорость звука, триста метров в секунду. Так мы определяли в детстве расстояние до эпицентра грозы. Получались разные цифры, и шесть, и десять километров.

– Шесть, – повторил я вслух.

– Чего шесть? – спросил Гриша Черных.

– Километров. Стреляют вокруг.

– Понятно...

Рогожин назначил меня командиром взвода и приказал нацепить на петлицы еще по одному медному угольнику.

Я пересчитал взвод, куда затесались посторонние, но даже с ними получалось человек семнадцать. Назначил своим заместителем бронбойщика Ермакова, тоже сержанта. Утром обнаружилось, что он потерял противотанковое ружье, а двое пришлых красноармейцев – винтовки. Мне это не понравилось. Ермаков стал оправдываться. Красноармейцы заявили, что расстреляли все патроны и обронили винтовки, спешно отступая.

Выглядело как явное вранье, однако уличать их не стал, разболелась рана на правой руке. Осторожно пощупал опухоль, пожаловался дяде Захару. Тот обещал почистить рану на большом привале. Боль пульсировала, отдаваясь в мозг, горели от ходьбы пятки.

Опасаясь появления самолетов или танков, шли очень быстро, почти бежали. На ходу выбрасывали лишнее, в том числе шинели, в которых так удобно закутываться ночью. Избавлялись от гранат и упаковок винтовочных патронов в смоленых коробках. Остался сидеть на обочине красноармеец без винтовки. Он сделал вид, что не может дальше идти, хотя я видел, парняга крепкий и не ранен. Мне было все равно, но для порядка окликнул, все же он шагал вместе с моим взводом. Горло пересохло, лишь прошипел невнятное:

– Чего сидишь?

Красноармеец отвернулся и не ответил, а вскоре внимание переключилось на печальное зрелище. Вдоль накатанной степной дороги застыли десятки автомашин ГАЗ-АА, полу-

торки. Колхоз считался зажиточным, если в нем имелся один такой грузовик, а здесь вереница тянулась до горизонта. Может, пятьдесят, может, сто штук. Большинство машин стояли целые и невредимые, только две полуторки сгорели. Некоторые бойцы стучали кулаком по бензобакам. Они гремели, как пустые, значит, кончилось горючее. Неужели у всех сразу? Следов обстрела также не видели.

Кто-то отыскал бочки с бензином. Наше батальонное начальство не делало попыток завести машины и продолжить путь на колесах, хотя у нас имелись специалисты. В десант брали людей грамотных. Однако командиры рассудили верно, что задерживаться возле брошенной автоколонны опасно, слишком четкий ориентир для авиации. Мы свернули в сторону. Дали команду ускорить шаг. Хорошо, что большинство раненых отправили заранее в тыл. Впрочем, где тыл, а где фронт, никто не знал. Переждали день в степи, снова шагали, а затем увидели огромную водную преграду. Сердце кольнуло болью, вот она, родная с детства река. Перед нами был Дон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.